

Д.О. Серов

**СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ
НАКАНУНЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА I:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (1696–1716 гг.)**

Судебная реформа 1717–1723 гг. – первая из шести отечественных судебных реформ XVIII–начала XXI вв.¹ – занимает бесспорно значимое место в истории нашей страны. Однако если обстоятельства проведения реформы 1717–1723 гг. оказались освещены к настоящему времени относительно подробно (хотя и не вполне целостно), то вопрос об эволюции национальной судебной системы в предреформенный период донныне не привлекал специального внимания исследователей. Тем самым, остался непоясненным вопрос о предпосылках реформы, о том, что же побудило законодателя в лице Петра I приступить в 1717 г. к кардинальному преобразованию судебной системы.

Обозрение новаций в отечественном судостроительстве и судопроизводстве, осуществленных Петром I в первое двадцатилетие единодержавного правления, имеет смысл начать с рассмотрения вопроса о том, какую же судебную систему законодатель получил в наследство от Московского царства. Необходимо – хотя бы в общих чертах – понять, как был организован и как функционировал тот суд, менять, а затем и преобразовывать который взялся будущий император.

Здесь, прежде всего, нельзя не констатировать, что развитие отечественной судебной системы в XVII в. освещено менее подробно, нежели ее развитие в петровскую эпоху. Достаточно сказать, что к настоящему времени не подготовлено ни единой ни монографической, ни диссертационной работы, которая полностью была бы посвящена развитию организации суда и процессуального законодательства России от выхода из Смуты до воцарения Петра I. Вместе с тем, не углубляясь в историографические дебри, стоит отметить, что судебная история XVII в. в той или иной мере привлекла в XX – начале XXI в. внимание многих исследователей – от И.Я. Гурлянда и М.М. Богословского до Е.В. Вершинина и В.Н. Глазьева².

При этом, изученность истории российского правосудия XVII в. отличается зримой неравномерностью. Более подробно оказалось на сегодняшний день исследовано функционирование выступавших в ту

пору в качестве судов первого звена губных и воеводских изб отдельных территорий (особенно Сибири). А вот судебная деятельность приказов и Боярской думы освещалась учеными авторами несравненно меньше. Наиболее же серьезным историографическим пробелом в данном случае видится отсутствие работ о таком важнейшем судебно-полицейском ведомстве XVI–XVII вв. как Разбойный приказ. Что бы там ни было, следует резюмировать, что сегодня все-таки имеется возможность составить относительно целостное представление о том, что же являл собой старомосковский дореформенный суд.

Каковы были наиболее существенные черты судоустройства и судопроизводства в нашей стране на исходе XVII в.? Для начала, нельзя обойти упоминанием давно ставший хрестоматийным тезис о свойственном старомосковским временам «единстве суда и администрации», то есть об отсутствии в допетровской России судебных органов, структурно обособленных от органов управления. Справедливость данного тезиса неоспорима.

Другое дело, что средневековое «единство суда и администрации» имело еще одну, никак не отмеченную в предшествующей историко-правовой литературе, но принципиально важную сторону. Названное «единство» означало также и доминирование судебных органов специальной юрисдикции. Суды общей юрисдикции в той дореформенной России отсутствовали как таковые³.

При этом, суды специальной юрисдикции не просто доминировали, их было еще и множество. Как не раз подмечали исследователи, все тогдашние центральные органы власти – приказы, обладали теми или иными судебными полномочиями. Другими словами, каждый приказ кого-нибудь за что-нибудь да судил. Судебная компетенция приказов бывала трех разновидностей: по кругу дел, по кругу лиц и по территории (случалось, впрочем, что эти разновидности совмещались в круге ведения одного приказа, как скажем, Разрядного). Между тем, по наиболее авторитетным данным Н.Ф. Демидовой в 1682 г. приказов насчитывалось 53, а в 1698 г. и того больше – 55 (включая патриаршие и дворцовые)⁴.

Кроме того, судебными полномочиями обладала еще и русская церковь. И пусть церковная юрисдикция в конце XVII в. была не столь широка, как во времена Киевской Руси, тем не менее она продолжала охватывать по некоторому кругу дел все население страны православного вероисповедания⁵. Духовенство же (заодно с крестьянами мона-

стырских и епархиальных вотчин) судилось органами церковной власти почти по всем делам.

На практике все это оборачивалось полнейшей «судебной чересполосицей», когда один и тот же человек оказывался в поле взаимопересекавшихся юрисдикций многих ведомств. Для того чтобы нагляднее представить такую ситуацию, имеет смысл разобрать, для примера, отношение к суду в начале 1690-х гг. среднестатистического российского дворянина – городского сына боярского N, помещенного в старинном Владимирском уезде.

Итак, проживая в усадьбе в мирное время, N был по большей части уголовных и гражданских дел подсуден, минуя местного воеводу, Владимирскому судному приказу. В случае, однако, если у N завязывался спор с соседом о принадлежности земельного участка, то эту тяжбу предстояло вести в Поместном приказе. Если же разногласия с соседом возникали касательно принадлежности холопа, то разрешать это дело предстояло в Приказе холопьяго суда.

Если у N возникал на бытовой почве конфликт с офицером из владимирских стрельцов, где N оказывался потерпевшим, то исковую челобитную о нанесенном «бесчестье» следовало подавать в Москве в Стрелецкий приказ. Если ссора с таковым же исходом происходила у N с офицером-артиллеристом, то челобитную требовалось адресовать в Пушкарский приказ. Если N пострадал бы от рук разгулявшегося проезжего гвардейца, то в этом случае управу на обидчика следовало искать уже в Преображенской потешной избе.

В свою очередь, если сам N оказывался замешан в разбое или душегубстве, его ожидал застенок в местной губной избе (подчиненной в административном отношении Разбойному сыскному приказу⁶). Если же против N выдвигалось обвинение в «блудном воровстве» с какой-нибудь «гулящей женкой» или с вдовой-соседкой, то его ожидало разбирательство у местного архиерея (подчиненного в судебном отношении Патриаршему разрядному приказу). Аналогично церковному суду N подлежал, если возникало подозрение о его принадлежности к старообрядчеству.

Если же N доводилось покинуть родные места и отправиться на государеву службу, то дальнейшая подсудность его деяний обуславливалась местом и характером этой службы. Так, на время пребывания в действующей армии N попадал по уголовным делам под исключитель-

ную юрисдикцию полкового воеводы (подчиненного Разрядному приказу). Если N получал какое-либо назначение в поволжские города, он оказывался под преобладающей юрисдикцией Казанского приказа, если в Сибирь – то Сибирского, если в пограничные города – то под юрисдикцией опять-таки Разрядного приказа. А ведь обрисованными ситуациями вовсе не исчерпывались возможные перемещения N по дебрям дореформенной судебной системы...

Помимо вышеизложенного, нельзя не отметить и такое – также обойденное в предшествующей литературе – обстоятельство, которое заключалось в том, что в организации суда в России конца XVII в. отсутствовало единство, сохранялась значительная региональная специфика. Те же губные избы функционировали отнюдь не повсеместно, изначально не создаваясь в уездах, где не было дворянского землевладения (то есть на Европейском севере и в Сибири). При этом, на Севере действовали особые волостные суды во главе с выборными земскими судьями, которые не учреждались в других местах.

Не было губной избы и в Москве. Основная масса уголовных дел, возникавших в столице, поступала на рассмотрение в Земский приказ. Наконец, дворяне, испомещенные в части уездов Центральной России, изолированно находились под преимущественной юрисдикцией Московского судного и упомянутого Владимирского судного приказов.

Ситуацию с установлением единообразия судебной организации осложняло и постепенное введение разрядов – прообразов нынешних военных округов. Дело в том, что орган власти разрядного города – приказная палата (или разрядная изба) получал в том числе и прерогативы вышестоящей судебной инстанции по отношению к находящимся на территории разряда ординарным воеводским избам. К концу XVII в. разрядные округа были созданы, однако, не повсюду (формирование разрядов полностью завершилось лишь на Юго-Западе и в Сибири). В итоге, относительно всеохватной – в территориальном отношении – к 1696 г. являлась судебная компетенция только местных воевод да архиереев.

Итак, в области судостроительства для предпетровского времени были свойственны: во-первых, функциональная и организационная неотделенность органов правосудия от органов управления; во-вторых, отсутствие судов общей юрисдикции (при весьма значительном количестве судов юрисдикции специальной) и, в-третьих, отсутствие единства в устройстве судебной системы. Что же касается тогдашнего судопроизводства,

то здесь, прежде всего, необходимо отметить такие оставшиеся вне поля зрения предшествующих авторов особенности как отсутствие строго регламентированного порядка прохождения дел по инстанциям и доминирование частного обвинения на начальной стадии уголовного процесса.

Явно выраженная в конце XVII в. нечеткость порядка прохождения дел по инстанциям обуславливалась, как видится, двумя факторами: непреодоленной инерцией старинного права челобитья и стародавней же традицией, по которой любой судебный орган (за исключением Боярской думы) мог по соответствующему кругу дел выступать в качестве суда первой инстанции как для жителей того города, где он располагался, так и для приезжих. В связи с этим имеет смысл несколько подробнее коснуться вопроса о праве челобитья – издревле сложившемся праве каждого подданного обращаться к государю напрямую, минуя нижестоящие административно-судебные органы.

Реализация данного права образовывала до поры до времени вполне эффективный в своей гибкости механизм обратной связи между широкими слоями населения и верховной властью. В самом деле, любое нарушение закона или установленного порядка, сколько-нибудь чувствительно ущемлявшее интересы подданных, могло отозваться подачей челобитной, побуждавшей монарха (пусть не всегда и не сразу) выправлять ситуацию⁷. Показательно, что для рассмотрения поступавших к царю челобитных в нашей стране дважды учреждался особый Челобитный приказ, функционировавший в 1550-е гг., а затем в 1616–1685 гг.

Первое законодательное ограничение права челобитья последовало лишь в середине XVII в. в связи с внесением в ст. 20 гл. 10-й Уложения 1649 г. нормы о запрете частным лицам обращаться к царю, минуя центральные органы власти («в приказе не бив челом»)⁸. При этом, в последующем законодательстве XVII в. данный запрет более не воспроизводился, порождая для тяжущихся хронический соблазн вовлекать в поиск судебной истины монарха. Неудивительно, что в преамбуле закона⁹, изданного уже 2 февраля 1700 г., удрученно констатировалось: «А ныне бьют челом великому государю самому... не бив челом в приказах судьям...»¹⁰.

Вторая вышеотмеченная традиция – право жителя страны обращаться напрямую в любой судебный орган, вовсе не пресекалась в законодательстве XVII в. Иными словами, введя запрет на обращение к царю, минуя приказ, тогдашний законодатель никак не ограничил право подданных обращаться в приказ (или приказную палату

разрядного города), минуя местного воеводу или губного старосту. По этой причине, центральные органы власти, являвшиеся судами либо второго, либо даже третьего звена (для территорий с разрядным делением), нередко выступали на практике в качестве суда первой инстанции – причем, не только для жителей Москвы, но и для всех тех, кто имел финансовую или служебную возможность находиться в столице для ведения судебных дел.

В предпетровское время сохраняла безусловную актуальность и идущая с глубокой древности тенденция доминирования частного иска – как основания для начала не только гражданского, но и уголовного процесса. Стоит вспомнить, что еще в ст. 19 Пространной редакции Русской Правды нашла закрепление весьма характерная норма, согласно которой дело об убийстве не начиналось, если труп не был опознан (поскольку в этом случае заведомо исключалось обращение в суд родственников потерпевшего)¹¹. Не менее показательны и ст. 57, 65 и 67 Псковской судной грамоты, в которых (впервые в истории отечественного права) регламентировался порядок проведения – исключительно по инициативе истца – обыска в доме подозреваемого¹². Если же обратиться к нормам Уложения 1649 г. и Новоуказных статей 1669 г., то в них невозможно выявить ни малейшего упоминания об активно-иницирующей роли какого-либо органа власти или должностного лица в той исходной точке уголовного судопроизводства, которая сегодня именуется стадией возбуждения уголовного дела¹³.

Из контекста процессуальных разделов Уложения и Новоуказных статей совершенно очевидно, что инициирование уголовного преследования со стороны местных и центральных административно-судебных органов должно было происходить в двух случаях: когда в рамках уже находившегося в производстве дела содержащиеся под стражей обвиняемые давали показания о соучастниках преступления, или же когда происходили массовые антиправительственные выступления. Между тем, и в Уложении, и в Новоуказных статьях содержится немало казусов, подразумевающих или прямо упоминающих о приводе татей и разбойников в губную избу частными лицами (прежде всего, конечно, истцами). Даже судебные дела по государственным преступлениям, процессы по знаменитому «слову и делу», и те почти неизменно начинались с «извета» – письменного или устного сообщения все того же частного лица¹⁴.

Резюмируя вышесказанное, следует констатировать, что Российское государство и в XVII в. продолжало в значительной мере самоустраиваться от инициирования уголовного преследования и, тем самым, от выявления преступлений. В целом же, рассмотренную особенность дореформенного уголовного процесса можно наиболее кратко выразить формулой: *«Нет челобитчика, нет и подсудимого»* [*«Нет заявителя, нет и уголовного дела»*].

Завершая рассмотрение особенностей дореформенного судоустройства и судопроизводства, необходимо отметить, что в России XVII в. в принципе отсутствовала система специальной подготовки в области юриспруденции (как и вообще какие-либо нормативно закрепленные квалификационные требования к должностным лицам административно-судебных органов). Как афористично заметил еще в 1899 г. Г.Ф. Шершеневич, в допетровской России «были законоведы в лице дьяков и подьячих, но не было образованных юристов»¹⁵. В самом деле, нет сомнений, что наибольшими знатоками права в те времена являлись канцелярские служащие приказов и воеводских изб – «сметливые мужики, хорошо усвоившие путем практики технику дела» (по точному выражению С.Б. Веселовского¹⁶) да еще частным образом представлявшие интересы сторон в судах стряпчие и «люди, которые за деды ходят»¹⁷.

Впрочем, целенаправленно правоведению не учили и подьячих. Собравшая воистину уникальные сведения о профессиональном обучении канцелярского персонала во второй половине XVII в. Н.Ф. Демидова не выявила никаких упоминаний касательно изучения будущими приказными хотя бы основ действовавшего законодательства¹⁸.

Все это – и нечеткость порядка прохождения дел по инстанциям, и пассивная роль государства в выявлении преступлений и инициировании уголовного преследования, и отсутствие специального образования у лиц судейского корпуса, влияло на ход судопроизводства, разумеется, негативным образом. Кроме того, обрисованные явления способствовали процветанию волокиты и взяточничества, которые еще более снижали эффективность функционирования дореформенной судебной системы. На рассмотрении этих язв допетровской юстиции имеет смысл остановиться несколько подробнее.

Что касается проблемы широкой подкупаемости государственных служащих, то здесь к исходу XVII в. в нашей стране сложилось весьма своеобразная правовая ситуация¹⁹. В эпицентре данной ситуации нахо-

дился «посул» (заодно с его разновидностями «поминками» и «почестью»). Представляя собой добровольное частное вознаграждение должностному лицу, имевшее (как обосновал Ю.Г. Алексеев) изначально безусловно легальный характер, посул начал исподволь, но необратимо криминализироваться в XV веке²⁰. Процесс таковой криминализации завершился, как известно, в Судебнике 1497 г., согласно ст. 1, 33 и 38 которого, получение посула безвариантно воспрещалось²¹.

В XVII в. позиция законодателя стала менее однозначной. С одной стороны, в Уложении 1649 г. посул как таковой не подвергся запрещению. Согласно нормам, закрепленным в статьях гл. 10-й, 21-й и 25-й Уложения, должностные лица подлежали уголовной ответственности, только если принятие посула обусловило совершение ими иных преступных деяний (от вынесения неправосудного приговора до служебного подлога)²². С другой стороны, во множестве нормативно-правовых актов второй половины XVII в. (будь то присяга дьяков 1653 г. или многочисленные воеводские наказы) посул безоговорочно возбранялся²³. Характерно, однако, что запрет на получение «чистых» посулов не сопровождался в XV–XVII вв. какими-либо санкциями.

С 1670-х гг., наряду с посулами, в отечественном законодательстве время от времени начал употребляться и термин «взятка»²⁴. Как явствует из контекста нормативно-правовых актов и материалов судебной и административной практики, взятка исходно означала частное вознаграждение должностному лицу, получение которого было сопряжено с вымогательством. К примеру, докладывая результаты служебной проверки, дьяк А.А. Курбатов писал в марте 1700 г. главе Оружейной палаты Ф.А. Головину, что подьячий Тихон Беляев «с клятвой говорил, что взятков... наглостию своею никаких не бирывал, а что, по давней обыкlosti... ему давали в почесть, то он приимал»²⁵.

Как бы то ни было, сложившаяся законодательная невянтица привела к тому, что принятие посулов стало в XVII в. *de facto* легальным явлением. Никоим образом нормативно не регламентированный посул прочно укоренился как в центральных (как убедительно показала Н.Ф. Демидова), так и в местных административно-судебных органах (как не менее убедительно показали Б. Дэвис, П.В. Седов и Г.П. Енин)²⁶. Дело дошло до того, что расходы на подкуп должностных лиц всех уровней начали открыто фиксироваться в финансовой документации.

Так, 6 января 1665 г. монастырский стряпчий Аввакум Прокофьев внес, как ни в чем ни бывало, в расходную книгу запись о том, что подьячему приказа Костромской четверти Григорию Емельянову было дано «от очные ставки от записки с беглым Кирилова монастыря крестьянином с Левкою Софоновым... рубль 16 алтын да дяку Миките Патрикееву рубль»²⁷. Внушительная по тем временам сумма досталась двоим приказным просто за надлежащее оформление протокола очной ставки! В общем, как удрученно констатировал игумен Троицкого Телетова монастыря Ефрем в письме к архиепископу Александру от 22 января 1699 г.: «...без дарственного воздаяния не может Москва делать никаких дел»²⁸.

Никак не менее острой в XVII в. являлась проблема волокиты. Исчерпывающе точно старомосковскую волокиту охарактеризовал в 1915 г. Н.Я. Новомбергский: «Она представляла собой сложную вязь злоупотреблений власти, беззащитных и безбоязненных ухищрений ответчиков и удушливой громоздкости самого механизма процедуры...»²⁹

Нельзя сказать, чтобы тогдашний законодатель оставался равнодушным к отмеченной проблеме. Напротив, в Уложении 1649 г. была введена даже уголовная ответственность за умышленное – с целью вымогательства – посула: затягивание решения судебного дела или административного вопроса. Согласно ст. 16 гл. 10-й Уложения, виновным в таком преступлении грозило значительное денежное взыскание в пользу потерпевшего челобитчика, а также телесное наказание³⁰. Но все было тщетно. Волокита в России никак не истреблялась³¹.

Итак, нельзя не констатировать, что к исходу XVII в. отечественное правосудие оказалось в состоянии кризиса. Осознание таковой ситуации законодателем нашло отражение, прежде всего, в преамбуле закона от 21 февраля 1697 г. об отмене в судах очных ставок и в подготовленной на ее основе преамбуле проекта именного указа от 27 февраля 1700 г. о введении в действие нового Уложения³². Составители названных актов не пожалели темных красок, дабы обрисовать бедственное положение российской юстиции (правда, преимущественно в сфере гражданского судопроизводства).

Закон от 21 февраля 1697 г., проект именного указа от 27 февраля 1700 г.:

«... В судех и в очных ставках от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство, и ищут многие истцы исков своих, затевая напрасно, также и ответчики в прямых исках отвечают неправдами

ж, составными вымыслы своими и лукавством, хотя теми составными затейными ответы прямых исков напрасно отбыть, забыв страх божий. А иные истцы и ответчики, для таких же своих коварств и неправды, нанимают за себя в суды и в очные ставки свою братью и боярских людей ябедников и составщиков же воров и душевредцов. И за теми их воровскими и ябедническими и составными вымыслы и лукавствам в вершение тех дел правым и маломочным людям во оправдании чинится многая волокита и напрасные харчи, и убытки, и разорения, а винным, что довелось, по его великого государя указу и по Уложению, учинить указ, от того отбывателство и продолжение, а ябедником и ворам поживки, < ... > Да на Москве и в городех ему, великому государю, священного и мирского чину люди бьют челом неправдою, и идут истцы исков своих, затеая напрасно, а ответчики в прямых исках отвечают неправдою ж, составными своими вымыслы, хотя теми составными ответы прямых исков напрасно отбыть. А иные истцы и ответчики, для таких же своих коварств и неправд, нанимают за себя в суды и в очные ставки всяких чинов людей ябедников и составщиков воров и душевредцов. И за теми их воровскими и ябедническими и составными вымыслы и лукавствы в вершение дел правым и маломошным людям чинитца многая волокита и напрасные харчи, и убытки, и разорения, а винным, что довелось, по его великого государя указу и по Уложению, чинить указ, отбывателства и продолжение...»

Что и говорить, проблемы были очевидны. Судебная система России определенно нуждалась в обновлении. Между тем, хотя «ябедники» и «дшевредцы» осложняли ведение процессов все больше по гражданским делам, первый шаг в сторону судебных преобразований Петр I сделал в направлении уголовного судопроизводства.

Согласно реконструированному Н.Б. Голиковой именному указу 1696 г., трансформированный годом ранее из Преображенской потешной избы Преображенский приказ получил исключительное право суда по государственным преступлениям³³. Отныне, независимо ни от территории, ни от служебного или социального статуса обвиняемого, все уголовные дела такого рода (дела по «слову и делу») подлежали направлению на судебное рассмотрение данного приказа. Отныне, в какой бы точке России не находился заявитель по «слову и делу», он сам и все указанные им лица должны были немедленно браться под стра-

жу и доставляться в Москву (точнее, в подмосковное село Преображенское, где дислоцировался приказ)³⁴.

Перед судом Преображенского приказа оказались равны все: и житель Охотска и житель Киева, и князь и холоп, и неокладной подьячий и боярин, и рядовой служилый и разрядный воевода. Не случайно осведомленный современник потрясенно констатировал, что в Преображенский приказ могли «всякого взять к розыску, арестовать и розыскивать и по розыску вершить»³⁵. В самом деле, как, подводя итог рассмотрению указа 1696 г., справедливо отметила Н.Б. Голикова, «таких полномочий еще никогда не имел ни один приказ»³⁶.

Конечно, на практике, как установил Н.Н. Покровский, концентрация соответствующих дел в Преображенском приказе затянулась не на один год³⁷. Конечно, Преображенский приказ и после 1696 г. остался классическим приказом – многофункциональным административно-судебным органом (в компетенцию которого входило также и рассмотрение уголовных и гражданских дел, касавшихся строевых военнослужащих гвардии, и управление рядом дворцовых территорий, и охрана правопорядка в Москве). Все это так. Нет сомнений, однако, что появление именного указа 1696 г. означало значительное продвижение на пути формирования единства судебной системы нашей страны. Вместе с тем, превратив в 1696 г. Преображенский приказ в еще один орган специальной юрисдикции, законодатель только усилил свойственную дореформенным временам «судебную чересполосицу».

Следующей судебно-преобразовательной мерой Петра I явилось издание вышеупомянутого закона от 21 февраля 1697 г. об отмене в судах очных ставок. Не раз охарактеризованный в литературе закон от 21 февраля 1697 г. не создал, как известно, новых форм процесса³⁸. Направленный на противодействие сутяжничеству, стремлению недобросовестных сторон заволочить разбирательство дел, закон 1697 г. углубил, с одной стороны, розыскное, а с другой – бюрократическое начало в судопроизводстве (особенно в гражданском, в котором до той поры еще сохранялись элементы «живого» состязательного процесса). Именно с закона от 21 февраля 1697 г. началось стремительное превращение отечественного процесса в «тайный и письменный»³⁹.

Дальнейшие изменения в судебной сфере произошли в нашей стране в связи с проведением городской реформы 1699 г. В результате осуществления этой реформы тяглое население городов было полностью

выведено из-под власти воевод. Вся полнота административно-судебных полномочий в отношении посадских общин перешла к учрежденным в январе 1699 г. земским избам во главе с выборными земскими бурмистрами, подчиненным на центральном уровне Бурмистерской палате (переименованной в ноябре того же 1699 г. в Ратушу)⁴⁰. Тем самым, земские избы и Ратуша стали первыми специальными судами, под юрисдикцию которых попало *все* посадское население России (за исключением Сибири⁴¹).

Суду земских изб и Ратуши тяглые горожане не подлежали лишь по государственным и церковным преступлениям, а также, по-видимому, по делам о разбоях и умышленных убийствах⁴². Таким образом, как и в ситуации с Преображенским приказом, заполучившие обширные судебные функции новоявленные органы городского самоуправления усилили, с одной стороны, единство отечественной судебной системы, а другой – все ту же дореформенную «судебную чересполосицу».

Далее заслуживает особого упоминания бегло затронутый выше закон от 2 февраля 1700 г. Незаслуженно обойденный вниманием предшествующих авторов, данный закон был посвящен укреплению инстанционности в судопроизводстве⁴³. В целом развивая линию Уложения 1649 г. на ограничение древнего права челобитья, Петр I установил в законе от 2 февраля 1700 г. всего два случая, когда частное лицо могло обратиться напрямую к монарху. В первом случае – вполне в духе ст. 20 гл. 10-й Уложения – дозволялось бить челом в «вершенных делах на судей» (то есть добиваться пересмотра неправосудных приговоров и решений, вынесенных приказами).

А вот второй случай был куда примечательнее. Впервые в истории отечественного права в законе 1700 г. оказалось специально закреплено право подданного известить непосредственно верховную власть о «великих государственных делах». При всей расплывчатости приведенной формулировки можно с уверенностью предположить, что под «великими государственными делами» Петр I подразумевал в данном случае как популярные в то время предложения об увеличении государственных доходов, так и сообщения об особо важных государственных преступлениях (что, строго говоря, входило в противоречие с линией на укрепление инстанционности). Завершался закон от 2 февраля патетическим призывом «чинить судьям в делах правду, а челобитчикам напрасно не бить челом».

Следующей мерой царя-реформатора по изменению судоустройства стал указ от 10 марта 1702 г., по которому упразднялся стародавний институт губных старост⁴⁴. Одновременно была предпринята попытка ввести коллегияльное управление сельской территорией уезда. Согласно тому же указу от 10 марта 1702 г., на местах вводились должности выборных дворянами «товарищей воевод» (в количестве от двух до четырех человек).

По замыслу законодателя, отныне воевода не мог принимать никаких решений (в том числе и судебных) без согласия со своими «товарищами». На практике данная попытка, как убедительно показал М. М. Богословский, не имела, однако, успеха⁴⁵. Уезд так и остался *de facto* под властью единоличного воеводы, подчиненного соответствующему приказу.

Необходимо также упомянуть, что в самые первые годы XVIII в. произошло свертывание деятельности Боярской думы. Упразднявшаяся, как известно, постепенно, безуказным порядком, дума провела последние заседания в 1704 г. В итоге, вышестоящей судебной инстанцией по отношению к приказам теперь оказался непосредственно монарх (основанная в том же 1704 г. вместо Боярской думы аморфная «Консалия министров» отправлением правосудия не занималась).

Очередные перемены в судебной системе России произошли в 1705 году. Для начала, 9 февраля 1705 г. Петр I утвердил выпавшие к настоящему времени из научного оборота Наказные статьи инспекторам ратушского правления⁴⁶. Согласно ст. 7 Наказных статей, в подсудность Ратуши передавались дела по казнокрадству, взяточничеству и злоупотреблениям при сборе налогов, в которых обвинялись служащие ее территориальных органов и учреждений (в первую очередь, земские бурмистры).

Носившая вроде бы узкий характер, данная мера привела на практике к поступлению в судебное производство Ратуши значительного объема уголовных дел. Объяснялось это тем, что в 1705 г. Ратуша являлась крупнейшим финансовым органом нашей страны, отвечавшим за взимание большей части прямых и основной части косвенных налогов (среди которых особое значение имели таможенные и кабацкие сборы). В подобной ситуации, соприкасаясь, причем, почти бесконтрольно, с внушительными денежными суммами, немало бурмистров поддавалось соблазну криминальной наживы.

О том, что ст. 7 Наказных статей отнюдь не осталась мертвой буквой, свидетельствуют многие архивные материалы. Назначенный того же 9 февраля 1705 г. инспектором (фактическим руководителем) Рату-

ши видный сподвижник Петра I А.А. Курбатов со всей решительностью взялся за разоблачение казнокрадов и «грабителей народа» в своем ведомстве⁴⁷. Характерно, что масштабы выявленных хищений впечатлили даже много повидавшего в жизни Алексея Курбатова.

«Ей-ей, государь, превеликое чинитца на Москве и в городех в зборех воровство...», «Ей-ей, государь, свидетельствующу Богу, везде кража», – горестно резюмировал инспектор в отчетных посланиях Петру I в октябре–ноябре 1705 г.⁴⁸ В целях борьбы с этим А.А. Курбатов предложил даже (в письме царю от 21 октября 1705 г.) ввести для казнокрадов-бурмистров смертную казнь⁴⁹.

Между тем, Наказные статьи инспекторам ратушского правления оказались не единственным актам, изданным 9 февраля 1705 г. В тот же день получил утверждение весьма примечательный закон, в котором была предпринята попытка разграничить судебную компетенцию Ратуши и Преображенского приказа⁵⁰. Согласно закона от 9 февраля 1700 г., если кто-либо (из числа лиц, «ведомых в Ратуше») объявлял «слово и дело», то его следовало отныне направлять не в Преображенский приказ, а к А.А. Курбатову.

Если далее открывалось, что заявитель, не осознав «разности слова с делом», говорил «слово», а являлось «дело», то последующее судебное разбирательство предстояло вести в Ратуше. В обратном случае заявителя надлежало, не расспрашивая подробнее, отсылать в Преображенский приказ. Анализируя эту, не особенно внятную (на первый взгляд) норму, Н.Н. Покровский предположил, что под «делом» Петр I подразумевал «финансовые и прочие злоупотребления администрации», а под «словом», как и прежде, государственные преступления⁵¹.

Однако если принять во внимание рассмотренные выше Наказные статьи инспекторам ратушского правления, то приведенная трактовка Н.Н. Покровского обретет, думается, еще одно подтверждение, а мотивация законодателя прояснится окончательно. Поскольку «слово и дело» нередко объявлялось именно на казнокрадов и вымогателей взяток и неуказных сборов, а подобные дела (в отношении соответствующих должностных лиц), по ст. 7 Наказных статей, поступали в подведомственность Ратуши, Петр I и счел необходимым дополнительно подтвердить соответствующую линию компетенции ведомства А. А. Курбатова⁵².

Дальнейшее расширение юрисдикции Ратуши произошло в апреле–сентябре 1705 г. Именно тогда было принято несколько законов, по которым в исключительную подведомственность Ратуши были переданы

дела по корчемству – незаконному изготовлению и продаже спиртных напитков и табака. Особо здесь необходимо упомянуть о законе от 15 сентября 1705 г., в котором прямо оговаривалось право Ратуши привлекать к уголовной ответственности виновных в корчемстве, независимо от их служебного и социального статуса⁵³. Столь широкой юрисдикцией по кругу лиц в тогдашней России обладал еще только один административно-судебный орган – Преображенский приказ.

В сохранившихся материалах переписки А.А. Курбатова с Петром I содержится немало упоминаний о практической реализации упомянутых законов. Так, в послании от 16 января 1706 г. глава Ратуши отметил между иного о том, что «исполняя... указы вашего самодержавия о истреблении корчемств, поступаю я, никому же послабевая, и корчемников иных не точию домов, но и вотчин лишил...». А согласно финансового отчета Ратуши, только за апрель–октябрь 1705 г. штрафов за корчемство было взыскано на внушительную сумму в 4798 рублей⁵⁴.

Итак, к исходу 1705 г. в подведомственности Ратуши оказались: во-первых, основная часть уголовных и гражданских дел, касавшихся тяглого городского населения (эти дела Ратуша рассматривала в качестве суда как первой, так и второй инстанции); во-вторых, дела по обвинению в преступлениях против интересов службы подчиненных Ратуше должностных лиц (включая глав органов городского самоуправления); в-третьих, дела о нарушении алкогольной и табачной монополии. Подводя итог сказанному, можно заключить, что осуществленное в 1705 г. расширение судебной компетенции Ратуши продолжило ту охарактеризованную выше преобразовательную линию Петра I, в рамках которой укрепление единства судебной системы России сочеталось с укреплением свойственной дореформенным временам «судебной чересполосицы», иначе говоря – с дальнейшим развитием системы судов специальной юрисдикции (которые при этом оставались, по-прежнему, структурно неотделенными от органов управления).

Между тем, очень скоро последовало первое ограничение судебных полномочий Ратуши. 12 марта 1706 г. состоялся именной указ о включении в состав Копорского уезда Самерской волости и Ямбургского уезда⁵⁵. Попутно в указе детально регламентировалась компетенция управлявшего Копорским уездом коменданта (так в 1700-е гг. стал именоваться местный воевода) Я.Н. Римского-Корсакова. Названный указ был примечателен в нескольких отношениях.

С одной стороны, в ст. 1 указа от 12 марта оговаривалось подчинение копорского коменданта исключительно Ингерманландской канцелярии (основанному в 1704 г. многоотраслевому центральному органу власти, управлявшему, в частности, землями на северо-западе России). С другой стороны, в ст. 3 указа от 12 марта 1706 г. коменданту предписывалось ведать «судом и росправою» (правда, лишь по делам об убийствах, разбоях и кражах) не только крестьян, но и посадских. Данная мера явилась вполне логичной – учитывая осуществленную четырьмя годами ранее ликвидацию губных органов.

Наконец, согласно той же ст. 3 рассматриваемого указа, на коменданта возлагались обязанности и по осуществлению всех налоговых сборов. Иными словами, по силе именного указа от 12 марта 1706 г., городское население Копорского уезда, полностью выводилось из-под административно-судебной власти Ратуши.

Менее года спустя, по именному указу от 17 января 1707 г., все тот же Я. Н. Римский-Корсаков получил более высокое назначение – ландрихтером изолированно образованной на северо-западе нашей страны Ингерманландской губернии⁵⁶. При всем том, что впервые появившийся в российском административном обиходе термин «ландрихтер» в буквальном переводе с немецкого означал «земский судья»⁵⁷, из положений указа от 17 января отнюдь не следовало, что Я.Н. Римский-Корсаков превращался в должностное лицо, занимавшееся исключительно отправлением правосудия. В никак не меньшем объеме в круг обязанностей ингерманландского ландрихтера вошли и хозяйственно-финансовые вопросы⁵⁸.

Стоит заметить, что в указе от 17 января 1707 г. остались недостаточно проясненными судебно-иерархические взаимоотношения ландрихтера и местных комендантов. В ст. 5 указа определялось единственно, что комендант мог осуществлять судебную деятельность только в отсутствие ландрихтера, который при этом обязывался «по всем городам непрестанно ездить». Тем самым, как представляется, ландрихтеру предназначалось, наравне с комендантами выступать в роли суда первого звена⁵⁹. Остается добавить, что закрепленная в ст. 2 и 5 указа судебная компетенция ингерманландских ландрихтера и комендантов отчетливо приблизилась по широте к полномочиям суда общей юрисдикции. А это был уже первый шаг к преодолению не раз отмеченной «судебной чересполосицы».

Будучи локальными по масштабу, указы от 12 марта 1706 г. и от 17 января 1707 г. явились предвозвестниками куда более значительных перемен как в административно-территориальном устройстве нашей страны, так и в организации местного суда. Очередной преобразовательной мерой Петра I стала губернская реформа. Ее повсеместное проведение началось в декабре 1708 г.

Поныне всесторонне не изученная I губернская реформа привела, как известно, к разделению России на восемь губерний, главы которых – губернаторы – заполучили всю полноту власти над вверенным населением⁶⁰. Само собой разумеется, что одним из последствий данной реформы стала ликвидация такого центрального органа как Ратуша. И хотя судебная компетенция губернаторов конца 1700-х–начала 1710-х гг. никак законодательно не регламентировалась, на основе архивных материалов и сведений, приводимых в литературе, нельзя не констатировать, что таковая компетенция оказалась намного шире, нежели у местных воевод XVII в. Насколько можно понять, первые отечественные губернаторы почти не имели ограничений в судебной деятельности (кроме разве что запрета рассматривать дела по государственным преступлениям и дела по обвинению военнослужащих).

С легкой руки Ф.М. Дмитриева, в отечественной историко-правовой литературе утвердилось представление, что специализированными помощниками губернаторов по судебной части стали ландрихтеры, систематическое назначение которых в новообразованные губернии началось в 1709 г. (а не в 1713 г. и не в 1715 г., как, в основном, указывается в литературе⁶¹). По резонному предположению М. М. Богословского, Петр I исходно и замышлял наделить ландрихтеров такими полномочиями⁶². Однако, как впервые в общем виде отметил Р. Виттрам, а затем на примере Азовской губернии убедительно показал Н.А. Комолов, на практике тогдашние ландрихтеры выполняли самые разнообразные функции, среди которых судебная являлась отнюдь не приоритетной⁶³.

На сегодняшний день нет окончательной ясности, в каких судебно-иерархических отношениях находились губернаторы «первого призыва» с попавшими к ним в непосредственное подчинение вчерашними уездными воеводами – комендантами (интенсивную судебную деятельность которых в конце 1700-х–начале 1710-х гг. осветил М.М. Богословский⁶⁴). По крайней мере, в более позднем законе от 17 марта 1714 г. об укреплении инстанционности в судопроизводстве комендантские кан-

целярии фигурировали в качестве суда первого звена, а губернские канцелярии – второго⁶⁵. Поскольку данный закон не вводил новую организацию местного суда, а лишь закреплял уже к тому времени существовавшую, можно с уверенностью предположить, что губернские канцелярии с самого начала являлись для комендантских канцелярий вышестоящими судебными инстанциями.

Остается резюмировать, что при всем том, что I губернская реформа имела в целом отчетливо децентрализаторский характер, она несомненно укрепила единство судебной системы России. По всей стране устройство местного суда было последовательно унифицировано, утверждена система комендантско-губернаторских судов. Кроме того, по широте судебных полномочий губернские и комендантские канцелярии превратились уже почти в суды общей юрисдикции. Так продолжилось, теперь в общероссийском масштабе, преодоление старомосковской «судебной чересполосицы».

Очередные перемены в отечественном судоустройстве последовали в 1711 году. Как известно, 22 февраля этого года был основан Правительствующий Сенат. Ставший, подобно упраздненной за некоторое время до того Боярской думе, высшим органом государственной власти, Сенат заполучил в том числе и судебные полномочия⁶⁶.

Впервые судебная компетенция Сената была определена в ст. I именного указа от 2 марта 1711 г. В названной статье (что характерно, собственноручно написанной Петром I) Правительствующему Сенату предписывалось «суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения; то ж и ябедником [ложным доносчикам] да последует»⁶⁷. Из приведенной формулировки очевидно, что, по изначальному видению законодателя, Сенату предстояло выступать, с одной стороны, в качестве апелляционной инстанции (при рассмотрении дел, неправомерно решенных в нижестоящих судах), а с другой – в качестве суда первой инстанции (при рассмотрении дел по обвинениям «неправедных судей» и «ябедников»). Подобная компетенция ничем принципиально не отличалась от соответствующей линии компетенции Боярской думы.

Того же 2 марта 1711 г. царь утвердил им же самим начертанный текст присяги, которую отныне надлежало приносить при вступлении в должность высшим администраторам (в первую очередь, сенаторам и губернаторам). Особое внимание в присяге было уделено отношению к

правосудию: «Обещаюся аз... [хранить] ...правду и правый суд, как между народом, так и в деле государственном»⁶⁸.

Наконец, именно 2 марта 1711 г. состоялось высочайшее распоряжение, которое положило начало важной линии реформирования отечественного уголовного судопроизводства. Уже в полностью оформленный текст вышеупомянутого указа от 2 марта Петр I собственноручно добавил фразу: «Учинить фискалоф во фсяких делах, а как быть им, пришлетца известие»⁶⁹. Так была основана фискальская служба России.

К сегодняшнему дню история отечественных фискалов оказалась исследована усилиями нескольких поколений как историков, так и правоведов едва ли не систематически. Традиция изучения этой службы протянулась со времен подготовки А.Д. Градовским диссертации «Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры», защищенной на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета еще в 1866 г. и изданной в том же году в виде монографии⁷⁰.

Характерно, что при всех достигнутых за полтора века успехах в изучении отечественных фискалов, поныне малопроясненным остался вопрос о непосредственной предыстории их создания. В целом принято считать, что в данном случае образцами для законодателя послужили фискальские службы Швеции и Пруссии. Однако каких-то либо материалов о подготовке Петром I учреждения фискалов в научный оборот доньше не вводилось⁷¹. Что бы там ни было, по авторитетному замечанию Р. Виттрама, «несмотря на иностранное наименование, фискалы приобрели [в России] иное значение, нежели в староевропейском мире»⁷².

Со стороны организационной фискалы образовали собой стройную и разветвленную вертикаль. Глава новообразованной службы – обер-фискал, подчинялся напрямую Правительствующему Сенату. В более значительных городах (в первую очередь, губернских) размещались провинциал-фискалы, в остальных – подчиненные им городовые фискалы. Особым именным указом от 16 января 1712 г. устанавливалась полная независимость фискалов от местных административно-судебных органов⁷³.

Почти одновременно с фискальской службой при Сенате, именным указом от 31 июля 1711 г., была учреждена и военно-фискальская служба. По распоряжению Петра I от того же 31 июля, данная служба вошла в структуру только что основанного Кригс-комиссариата⁷⁴ – центрального органа, ведавшего снабжением и финансированием армии.

При этом, в отличие от гражданских коллег, военные фискалы первоначально получили двухуровневую организацию: обер-фискал (подчинявшийся непосредственно генерал-кригс-комиссару) – полковые фискалы⁷⁵.

Нормативную основу деятельности гражданской фискальской службы составили, прежде всего, законы от 5 марта 1711 г. и от 17 марта 1714 г. «Указ о фискалах и о их должности и действии», а военно-фискальской службы – ст. 12–15 и 23 Регламента Кригс-комиссариата от 10 декабря 1711 г., Дополнение данного Регламента 1712 г., а также гл. 42 Устава Воинского от 30 марта 1716 г.⁷⁶. Согласно этим нормативно-правовым актам, компетенция фискалов заключалась, в первую очередь, в выявлении любого нарушения закона – «всяких преступлений указам». Сообразно требованиям момента, особое внимание фискальским органам надлежало уделять обнаружению преступлений, по современной классификации, против интересов службы и против правосудия (получение взятки, казнокрадство, злоупотребление должностными полномочиями, вынесение заведомо неправосудного приговора).

Всю собранную информацию фискалы обязывались направлять на рассмотрение той судебной инстанции, в подсудности которой находилось обличаемое лицо. Примечательно, что в качестве срока давности по преступлениям, выявляемых фискалами (по ст. 10 закона от 17 марта 1714 г.) устанавливался 1700 год. Тем самым, как уже неоднократно отмечалось в историко-правовой литературе, фискальская служба стала первым в нашей стране органом надзора за соблюдением законности.

Между тем, наряду с функцией надзора, законодатель придал фискальской службе еще одну, не менее важную линию компетенции. Во-первых, для установления события преступного деяния фискалы получили (по закону от 5 марта 1711 г.) никогда прежде не закреплявшееся нормативно право осуществлять оперативно-розыскную деятельность («тайно надсматривать»)⁷⁷. Во-вторых, в ст. 4 закона от 17 марта 1714 г. и в ст. 2 гл. 42-й Устава Воинского от 30 марта 1716 г. оказалась специально прописана обязанность должностных лиц фискальской службы заниматься «взысканием» [выяснением обстоятельств] так называемых «безгласных дел» – то есть тех, по которым отсутствовали челобитчики-заявители⁷⁸.

В-третьих, по закону от 5 марта 1711 г., обер-фискал обязывался «позвать» того, кто «неправду учинит пред Сенат, и тамо его обличать». Сходным образом, «проведывать и доносить и при суде обличать»

предписывалось уже всем фискалам в ст. 4 закона от 17 марта 1714 г. Что же до военных фискалов, то им было вменено в обязанность «предъявлять улику» в суде, согласно ст. 1 Дополнения Регламента Кригс-комисариата 1712 г., и «доносить и при суде обличать», согласно ст. 3 гл. 42-й Устава Воинского от 30 марта 1716 г. Иными словами, помимо общего надзора, законодатель возложил на фискальские органы полномочия инициировать уголовные дела и собирать по ним доказательства, а также выступать с обвинением в суде от имени государства (показательно, что это направление деятельности фискалов так и не было дополнительно регламентировано в процессуальном законодательстве XVIII в.). Тем самым, можно со всей определенностью констатировать, что отечественная фискальская служба с самого начала стала органом еще и уголовного преследования⁷⁹.

Нет сомнений, что именно в лице обязанных «взыскивать» «безгласные дела» фискалов Российское государство впервые начало играть активно-иницирующую роль в уголовном судопроизводстве. Соответственно, с учреждением фискальской службы пресекалась рассмотренная выше протянувшаяся со времен Киевской Руси традиция, по которой государство самоустранялось от выявления преступлений⁸⁰. Вместе с тем, появление фискалов в судах явило собой первый шаг на пути перехода от розыскного типа уголовного процесса к состязательному – публично-искового вида (по классификации А.В. Смирнова), при котором функцию обвинения выполняют обособленные от суда государственные органы⁸¹.

Необходимо отметить, что, стремясь нацелить фискалов преимущественно на обнаружение «безгласных» преступлений против интересов службы и одновременно не желая усиливать их роль в судебном разбирательстве, Петр I категорически воспретил фискальским органам вмешиваться в судопроизводство по гражданским делам и по делам частного обвинения. Как предписывалось в особом именном указе от 24 апреля 1713 г., «ведатца челобитчику с ответчиком самим... а фискалом до того дела нет»⁸². В развитие этой линии в ст. 4 базисного для гражданской фискальской службы закона от 17 марта 1714 г. было внесено более общее установление о запрете фискалам вступать в любые дела, «глас о себе имеющих». Идентичный запрет для военных фискалов законодатель закрепил в ст. 3 гл. 42-й Устава Воинского от 30 марта 1716 г.⁸³

Для обеспечения эффективной деятельности фискальских органов законодатель предусмотрел как меры материального стимулирования (получение фискалами доли от взысканных в судебном порядке штрафов), так и упомянутую независимость фискалов от региональной администрации. С той же целью – повысить качество работы фискалов – допускалась и всесословность в подборе фискальских кадров. В данном случае у настроенного глубоко продворянски Петра I, по всей видимости, возобладали прагматические соображения. В самом деле, фискал из «шляхетства» мог вызвать меньше доверия у крестьян и посадских, а значит, терял возможность полноценно «тайно надсматривать».

Расчет царя на создание эффективного органа надзора и уголовного преследования на первых порах безусловно оправдался. По мере укомплектования фискальских штатов в судебные органы буквально хлынул поток разоблачительной, хотя и не однородной по значимости и достоверности информации. Фискалы извещали о фальсификации документов в Поместном приказе и об укрывательстве от службы недоросля Евдокима Кишинского (который из страха попасть в армию «и имя свое переменял, и называетца Федором»), о небрежном хранении запасов провианта в Козельске и о взятках солигалицкого коменданта⁸⁴.

Случалось, в фискальских доношениях речь шла о глубоко драматических событиях. Вот, например, что сообщали фискалы Великого Устюга в августе 1712 г. о бесчинствах подьячих и солдат, направленных для сбора податей в Устюжский уезд: «...Они, подьячие и солдаты, приехав в волости и указов соцким не объявля, бьют без милости и тиранскими муками мучат: вешают в дыбы и на козле плетми свинцовыми бьют и огнем страшат. И в церковной трапезе батожьем и на козле бьют ругателски, руки и ноги и зубы ломают. И многих жен за власы волочили и нагих девиц водили, также многих жен блудным воровством силно бесчестили...»⁸⁵.

Особенно значительных результатов фискальская служба добилась (вполне в соответствии с замыслом Петра I) в выявлении преступных деяний представителей государственного аппарата⁸⁶. Именно фискалы «проведали» о махинациях служащих Мундирной канцелярии (имевших последствием закупку для армии огромной партии негодных сапог, рубах и камзолов), разоблачили группы казнокрадов в Военном приказе и в Санкт-Петербургской губернской канцелярии. При этом, не ограничиваясь

«уличанием» госслужащих низшего звена, фискалы нередко инициировали уголовное преследование и весьма могущественных сановников.

Так, по материалам, добытым «товарищем» обер-фискала провинциал-фискалом А. Я. Нестеровым, началось расследование грандиозного «подрядного» дела, большинство фигурантов которого составили лица из высшего руководства страны (включая самого «полудержавного властелина» А.Д. Меншикова)⁸⁷. Неслучайно, в собственноручно написанной преамбуле закона от 25 января 1715 г. Петр I удовлетворенно констатировал, что «фискалы непрестанно доносят не точию на подлых, но и на самые знатныя лица без всякой боязни...»⁸⁸.

Как представляется, столь успешная, поначалу, деятельность фискальской службы обуславливалась, главным образом, той поддержкой, которую фискалы получили в широких слоях населения. Совершенно очевидно, что без содействия десятков и сотен явных и тайных помощников было немыслимо собрать такой внушительный объем информации о нарушениях закона, как это удалось фискальской службе в начале 1710-х гг. В свою очередь, это содействие объяснялось тем, что фискалы в те годы явились для «бедных и угнетенных» «оградой и щитом против их притеснителей»⁸⁹. В условиях второго десятилетия XVIII в. именно представители фискальских органов ответили вопиющей потребности массы трудового люда в хоть какой-то защите от произвола и злоупотреблений чиновников и прочих «сильных персон».

Будучи глубоко впечатлен открывшейся, благодаря доношениям фискалов, картиной упадка законности в стране и стремясь как-то выправить ситуацию, Петр I предпринял в 1712–1715 гг. ряд экстраординарных мер уголовно-правового, уголовно-процессуального и организационного характера. Что касается тогдашних новаций в области уголовного права, то их рассмотрение выходит за рамки настоящей статьи.

Стоит лишь отметить, что серией законов (от 24 апреля и от 25 августа 1713 г., а также от 24 декабря 1714 г.) была беспрецедентно усилена ответственность за преступления против интересов службы (в первую очередь, за взяточничество, казнокрадство и злоупотребление должностными полномочиями в форме неуказных сборов)⁹⁰. Так, закон от 24 декабря 1714 г. явился наиболее жестким нормативно-правовым актом, направленным против взяточничества, изданным в России за XV–XIX вв.⁹¹. Сами же вышеназванные преступления оказались, согласно

законам от 24 апреля и от 25 августа 1713 г., отнесены по существу к категории государственных⁹².

Переходя к обзору изменений в судоустройстве, в первую очередь следует отметить, что в 1712 г. царь воссоздал Расправную палату, которая вошла теперь в структуру Правительствующего Сената. Заполучив (как и ее предшественница XVII в.) единственную функцию – отправление правосудия, палата была призвана оттянуть в свое производство и обеспечить скорейшее разрешение основной массы восходивших в Сенат судебных дел. Осуществить «безволокитное» разбирательство таковых дел Правительствующий Сенат не имел возможности по объективным причинам – занимаясь в приоритетном порядке вопросами управления (особенно финансового). Состояла Расправная палата из двух сенаторов и четырех особых «расправных» судей (позднее их число было увеличено до пяти).

Круг ведения «новой» Расправной палаты детально регламентировался в сенатском указе от 4 сентября 1713 г.⁹³ Согласно названного указа, компетенция палаты (почти зеркально отразившая судебные полномочия Сената) определялась двояко. С одной стороны, Расправная палата выступала в качестве апелляционной инстанции по отношению к губернским канцеляриям и имевшим судебные функции центральным органам власти, с другой – осуществляла «розыски и протчее управление по доношениям фискальским».

Вопрос о том, какие именно инициированные фискальской службой уголовные дела рассматривались палатой, оказался совершенно обойден в предшествующей литературе. Исходя из буквы указа от 4 сентября, можно понять, что предполагалось судебное разбирательство палатой *всего* объема подобных дел. Однако, насколько можно видеть по архивным материалам, на практике в Расправную палату поступали три категории дел, инициированных фискальской службой.

Во-первых, в палату, по представлению обер-фискала, восходили доношения местных фискалов, которые были или проигнорированы губернаторами или же касались их самих (возможность направления таковых доношений в Сенат специально оговаривалась в ст. 8 закона от 17 марта 1714 г.). Во-вторых, в Расправную палату принимались доношения как самого обер-фискала, так и его «товарищей». Наконец, в-третьих, – доношения московских фискалов и провинциал-фискалов.

Что же до новаций 1712–1715 гг. в области уголовного судопроизводства, то, как представляется, именно ознакомление с доношениями фискалов побудило Петра I издать весьма примечательный закон от 23 октября 1713 г. В данном законе (исходно написанном, кстати, собственноручно царем) закреплялось право любого жителя нашей страны – «от первых даже до земледельцоф» – извещать о «*грабителях народа*» (то есть о преступной деятельности представителей государственного аппарата) непосредственно монарха⁹⁴. Согласно закону от 23 октября, сообщившего истину доносителя ожидало невиданное вознаграждение – все имущество виновного и даже его чин.

Со стороны организации противодействия должностной преступности закон от 23 октября 1713 г. знаменовал попытку верховной власти опереться в таковом противодействии на широкие слои населения⁹⁵, фрагментарно восстановить древний механизм обратной связи между подданными и государем. Со стороны же процессуальной появление закона от 23 октября означало складывание (конечно, в качестве вариативного) особого порядка судопроизводства по делам о «граблении народа». По силе закона, носитель верховной власти оказывался, с одной стороны, в роли инициатора уголовного преследования, а с другой – в роли судьи, либо непосредственно выносившего приговор, либо утверждавшего приговор, вынесенный тем органом правосудия, в который он направил соответствующее дело. Подобный порядок входил в безусловное противоречие с закрепленной в охарактеризованном выше законе от 2 февраля 1700 г. линией на укрепление инстанционности в судопроизводстве.

Вместе с тем, нельзя не отметить и несомненную преемственность закона от 23 октября 1713 г. с законом от 2 февраля 1700 г. Ведь именно в законе от 2 февраля 1700 г. впервые формально закреплялось, хотя и в расплывчатой форме, право российских подданных обращаться напрямую к монарху с сообщением о преступлении. При этом, в законе от 23 октября 1713 г., с одной стороны, была внесена гораздо более четкая формулировка касательно права на обращение такого рода, а с другой, речь шла об ином круге преступлений (в законе 1700 г., стоит напомнить, говорилось о праве извещать государя об особо важных государственных преступлениях).

Между тем, линия закона от 2 февраля 1700 г. об уведомлении верховной власти о государственных преступлениях также нашла продолжение в законодательстве 1713 года. В законе, изданном 23 декабря 1713 г.,

подданным дозволялось сообщать лично царю о таких «традиционных» государственных преступлениях как умысел на «государское здоровье», оскорбление «высокомонаршей чести», бунт и измена⁹⁶. В данном случае можно констатировать синхронность в развитии тенденций в уголовном и в уголовно-процессуальном законодательстве: вышеотмеченное отнесение преступлений против интересов службы к категории государственных произошло почти одновременно с установлением единого особого порядка судопроизводства по всем делам подобного рода.

Стремление Петра I организовать всесословное противодействие должностной преступности получило дальнейшее воплощение в законе от 25 января 1715 г.⁹⁷. Именно в этом законе оказались сформулированы знаменитые «три пункта», содержавшие составы особо тяжких преступлений, о подготовке или совершении которых только и допускалось извещать напрямую монарха. В первых двух пунктах, почти в полном соответствии с законом от 23 декабря 1713 г., фигурировали «традиционные» государственные преступления: посягательство на жизнь самодержца, измена и бунт. В третьем пункте речь шла о казнокрадстве.

Иной особый порядок судопроизводства был предусмотрен в том же 1715 г. по части дел о взяточничестве (каковое Петр I посчитал в тот момент несколько менее общественно опасным, нежели хищение казны). Согласно закону от 11 июня 1715 г., население призывалось «без всякого страха» сообщать о фактах взяток со стороны командированных должностных лиц (переписчиков, сборщиков и наборщиков)⁹⁸. Соответствующие заявления предписывалось направлять хотя и не верховной власти, но и не в суды первого звена, а в Сенат или же губернаторам.

Впервые закрепленный в законе от 23 октября 1713 г. особый порядок судопроизводства по делам о преступлениях против интересов службы сохранялся до издания закона от 19 января 1718 г., по которому из вышеприведенного списка 1715 г. был, по существу, исключен третий пункт (что также знаменовало и свертывание политики всесословной борьбы с «грабительством народа»)⁹⁹. Глубоко примечательно, что в проект Уложения 1722–1726 гг. было внесено (в подготовленную в октябре 1723 г. ст. 42 гл. 2-й кн. 1) законодательное предположение о допустимости извещать непосредственно монарха именно по первым двум пунктам закона от 25 января 1715 г. В качестве альтернативы заявление по этим пунктам предписывалось подавать в канцелярию Сената¹⁰⁰. В итоге, особый порядок судопроизводства по «традиционным»

государственным преступлениям (по первым двум пунктам закона 1715 г.) просуществовал до самого конца XVIII в.¹⁰¹.

Остается добавить, что на практике охарактеризованный особый порядок судопроизводства по делам о «презрении должности» оказался, по всей очевидности, малоэффективным. В условиях 1710-х гг. было, конечно, нереально обеспечить возможное разве что в удельные времена широкое личное участие правителя в поддержании законности в стране. Думается, именно воспоминания об имевших место в 1713–1716 гг. попытках самому заняться разбирательством доношений о «грабителях народа» побудили Петра I эмоционально высказаться в собственноручно написанной преамбуле к закону от 19 декабря 1718 г. о том, что «кому быют челом [царю], одна персона есть, и та коликими воинскими и протчими несносными трудами обьята... И хотя б и таких трудов не было, возможно ль одному человеку за так многими усмотреть, воистинну не точно человеку, ниже ангелу, понеже... где присутствует, инде его нет...»¹⁰².

Завершая обозрение изменений в отечественном уголовном судопроизводстве первой половины 1710-х гг., осуществленных под влиянием деятельности фискальской службы, необходимо упомянуть о зарождении такой стадии досудебного производства как предварительное расследование. Зарождение это было связано с необходимостью скорейшего рассмотрения дел, инициированных фискальскими органами против высокопоставленных должностных лиц. Проблема заключалась в том, что эффективное отправление правосудия по делам подобного рода заведомо осложняло два обстоятельства: служебный статус подсудимых и структурная неотделенность тогдашних судебных органов от органов управления. Думается, что, приняв во внимание именно эти обстоятельства, Петр I и пошел на создание подчиненных непосредственно верховной власти чрезвычайных органов, призванных еще на досудебной стадии сформировать доказательственную базу, достаточную для проведения «безволокитного» судебного разбирательства.

Первым российским органом предварительного расследования необходимо признать канцелярию под руководством гвардии майора кн. М.И. Волконского. Названная канцелярия была учреждена именным указом от 25 июля 1713 г. для работы на территории Архангелогородской губернии по рассмотрению обвинений, выдвинутых вице-губернатором А.А. Курбатовым против обер-комиссара Д.А. Соловьева, а устюжскими фискалами – против комиссара С.М. Акишева¹⁰³. В именном указе

от 25 июля со всей определенностью говорилось о том, что М.И. Волконскому надлежало произвести исключительно досудебное разбирательство обвинений против архангелогородских администраторов, а затем доставить само дело и тех, «которые тому делу будут виноваты», в Санкт-Петербург. В остальном деятельность М.И. Волконского никак не регламентировалась с процессуальной стороны, кроме закрепления за ним права самостоятельно принимать решения о пытке подсудимых. Из текста указа от 25 июля 1713 г. неясно также, что за инстанция должна была впоследствии выносить приговор по делу: монарх, Сенат или же какое-то иное судебное присутствие.

Вслед за канцелярией М.И. Волконского, в 1714–1715 гг. возникли еще четыре следственные канцелярии – ведения кн. В.В. Долгорукова, А.Н. Головкина, И.Н. Плещеева и И.С. Чебышова. Каждая из них осуществляла предварительное следствие по строго определенному кругу дел, главным образом инициированных фискальской службой. К примеру, основанная в июне 1714 г. канцелярия гвардии подполковника В. В. Долгорукова вела следствие по упомянутому выше «подрячному» делу. Не образуя еще целостной системы, не имея еще нормативной основы деятельности (каковая лишь в самом общем виде регламентировалась в кратких учредительных указах), эти канцелярии исподволь утверждали стадию предварительного расследования в российском уголовном процессе.

Теперь стоит коснуться вопроса о развитии в первой половине 1710-х гг. местных и центральных административно-судебных органов. Что касается центральных органов, то эта часть государственного аппарата пришла в те годы в несомненный упадок¹⁰⁴. Аллегорически выражаясь, в характеризующий период система центрального управления превратилась в непрерывно и хаотически перестраиваемое здание, в котором полуосыпавшиеся конструкции старинных приказов соседствовали с поспешно возводимыми сегментами невиданных ранее канцелярий и комиссариатов. Как бы то ни было, основная часть и унаследованных от старомосковских времен приказов, и новоучрежденных канцелярий сохранила в первой половине 1710-х гг. судебную компетенцию.

При этом, для тогдашних центральных органов в полной мере осталась свойственна прежняя «судебная чересполосица». Правда, формат этой «чересполосицы» стал заметно иным, нежели в XVII в. – вследствие проведения I губернской реформы. Поскольку губернаторы

подчинялись сначала непосредственно верховной власти, а с 1711 г. – Сенату, приказы, канцелярии и комиссариаты, во-первых, начали выступать исключительно в качестве суда первого звена, а во-вторых, сохранили подсудность только по кругу лиц (каковая преобладала) и по кругу дел.

Остается рассмотреть те изменения, которые произошли в первой половине 1710-х гг. в организации местного суда. Из числа таких значимых изменений можно отметить два. Первое было связано с начавшимся в 1712 г. факультативным, но широким введением новой административно-территориальной единицы – провинции. Как убедительно показал М.М. Богословский, главы провинций – обер-коменданты, получили в том числе и судебные полномочия, причем обер-комендантская канцелярия стала выступать по отношению к уездной комендантской канцелярии в качестве суда второго звена¹⁰⁵.

Второе изменение в местном судоустройстве последовало в связи с учреждением, по именному указу от 28 января 1715 г., еще одной новой административно-территориальной единицы – доли, во главе с ландратом, которая заменила как древние уезды, так и «новоманерные» провинции (а ландратские канцелярии заменили собой, соответственно, прежние комендантские и обер-комендантские канцелярии)¹⁰⁶. Как установил опять-таки М.М. Богословский, наряду с административными функциями, ландратские канцелярии, просуществовавшие с 1715 по 1719 год, обладали еще и функциями судебными¹⁰⁷. Исходя из сведений, приводимых М.М. Богословским, можно заключить, что ландратские канцелярии являлись судом первого звена, приближаясь по объему судебных полномочий (подобно своим предшественникам – комендантским канцеляриям) к суду общей юрисдикции. Стоит оговорить, правда, что из подсудности ландратских канцелярий (в отличие от комендантских) с самого начала было изъято посадское население.

Кроме того, достойно упоминания, что в 1713 г. законодатель несколько повысил статус ландрихтеров. Согласно ст. 3 именного указа от 24 апреля 1713 г., ландрихтеры выводились из-под юрисдикции губернаторов и переходили в подсудность непосредственно Сената¹⁰⁸. При всем этом, исходя из буквы той же ст. 3 указа, ландрихтеры по-прежнему подчинялись губернаторам в административном отношении.

Нельзя не отметить, наконец, что, наряду с введением в 1713 г. охарактеризованного выше особого порядка судопроизводства по делам о государственных преступлениях и преступлениях против интере-

сов службы, Петр I предпринял в первой половине 1710-х гг. также и противоположные по направленности усилия по укреплению инстанционности в судопроизводстве. 17 марта 1714 г. был издан закон, согласно которому подача челобитных – при отказе в правосудии или же при вынесении неправосудного приговора – могла осуществляться жителями страны только последовательно, строго в соответствии с тогдашней иерархией судебных органов¹⁰⁹. В итоге, в законе от 17 марта оказалась зафиксирована четырехзвенная судебная система: *комендантская канцелярия – губернская канцелярия – Правительствующий Сенат – самодержец*. Показательно, что в данной конструкции вовсе не фигурировали центральные органы власти: в 1714 г. законодатель уже не рассматривал их в качестве целостного звена судебной системы¹¹⁰.

Показательно, что в подписанном Петром I того же 17 марта 1714 г. ином законодательном акте – упомянутом «Указе о фискалах и о их должности и действии», схожий инстанционный порядок устанавливался и для взаимодействия с судами фискальских органов. Согласно ст. 8 «Указа...», городовым фискалам предписывалось подавать доношения в комендантские и обер-комендантские канцелярии, провинциал-фискалам – в губернские канцелярии, а обер-фискалу – в Правительствующий Сенат или же царю. Обращение фискала в какой-либо вышестоящий судебный орган категорически воспрещалось.

Между тем, на исходе 1714 г. Петр I еще раз вернулся к проблеме укрепления инстанционности в судопроизводстве. 8 декабря 1714 г. был издан закон, в котором вновь запрещалось прямое обращение как к монарху, так и в Правительствующий Сенат. Характерно, что в названном законе дополнительно прописывалось такое основание для переноса дела, как затягивание судебного разбирательства на срок более полугода («когда в полгода не вершат»). Не менее примечательно, что в законе от 8 декабря 1714 г., в отличие от закона от 17 марта 1714 г., среди должностных лиц, обладавших судебными полномочиями, оказались упомянуты обер-коменданты, а также ландрихтеры¹¹¹.

Завершая обзор изменений в области судостроительства и судопроизводства, осуществленных в нашей стране в конце 1690-х – первой половине 1710-х гг., остается кратко остановиться на преобразованиях в сфере военной юстиции. Как известно, в описываемый период Петр I уделял вопросам переустройства и боевого применения вооруженных сил приоритетное внимание. Соответственно, предпринятое на

стыке XVII и XVIII вв. реформирование российской армии не могло не сопровождаться значительными переменами в военно-судебной части. Рассчитанные на поместно-даточную организацию войск, архаические суды полковых воевод (заодно с содержащей военно-уголовные нормы седьмой главой Уложения 1649 г.) были, конечно же, несовместимы с новой регулярной армией.

Уже в 1700-е гг. в России появились и принципиально новые органы военного правосудия – кригсрехты, и законодательные акты, в которых детально регламентировалось военное судопроизводство. В первом десятилетии XVIII в. нормативную основу деятельности кригсрехтов образовали «Уложение, или право поведения генеральных, средних и низших чинов» 1702 г. (или Уложение Б.П. Шереметева) и Краткий артикул 1706 г. (или Краткий артикул А.Д. Меншикова)¹¹². Изданные как временные акты исключительно для действующей армии, составленные на основе западноевропейских источников, Уложение и Краткий артикул объединяли в своем составе как положения, закреплённые в настоящее время в общевоинских уставах (Внутренней службы, Дисциплинарном, Гарнизонной и караульной службы), так и военно-уголовные и военно-процессуальные нормы.

С момента появления российские кригсрехты представляли собой коллегиальные судебные присутствия, временно формировавшиеся командиром воинской части из числа строевых военнослужащих для рассмотрения уголовных дел по обвинениям военнослужащих той же части. По структуре кригсрехт состоял из ординарных судей (ассессоров) и председателя (презуса или президента). Учитывая заведомую юридическую неподготовленность строевых военнослужащих, при кригсрехте вводилась должность аудитора, особого лица, специализировавшегося на подготовке дела к стадии судебного разбирательства и на правовом консультировании членов суда.

По существу рассматриваемого дела каждый из судей излагал мнение («сентенцию») с предложением о мере наказания подсудимому. Вынесенный кригсрехтом приговор направлялся в обязательном порядке на утверждение командиру части или иному вышестоящему воинскому начальнику (если командир части являлся презусом). Никакой апелляции на приговоры кригсрехтов не предусматривалось.

К какой разновидности судебных органов можно отнести появившиеся в нашей стране в 1700-е гг. кригсрехты? Как известно, современ-

ные военные суды РФ рассматриваются федеральным законодателем как суды общей юрисдикции. Однако, принимая во внимание, что, как явствует из материалов судебной практики и сведений, приводимых в литературе, российские военные суды разбирали в XVIII в. исключительно уголовные дела, эти органы правосудия следует отнести к числу судов специальной юрисдикции¹¹³.

На новый уровень нормативное регулирование военного судоустройства и судопроизводства вышло в начале 1710-х гг. Это было связано с изданием в 1712 г. составленного Э. Кромпейном «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» – первого отечественного военно-процессуального кодекса (хотя и подготовленного, как убедительно показал К. Петерсон, с широким использованием норм шведского Устава воинского судопроизводства 1683 г.¹¹⁴). В «Кратком изображении процессов...» оказались гораздо более детально, нежели в Уложении 1702 г. и в Кратком артикуле 1706 г. регламентированы и вопросы организации кригсрехтов (полкового и генерального), и вопросы процессуального положения аудитора, подсудимого и свидетелей, и вопросы подготовки и проведения судебного разбирательства, и вопросы постановления и вступления в силу приговора.

Поскольку «Краткое изображение процессов...» с содержательной стороны уже неоднократно анализировалось в историко-правовой литературе¹¹⁵, в рамках настоящей статьи остается коснуться лишь отдельных недостаточно проясненных моментов, связанных с его применением на практике. Для начала необходимо повторить, что в отечественных военных судах XVIII в. никогда не рассматривались гражданские иски (каковая возможность *de jure* предусматривалась в ст. 1 и 2 гл. 2-й и в главах 3-й и 4-й части 1 «Краткого изображения процессов...»). В связи с этим мертвой буквой остались и установления главы 5 «Краткого изображения процессов...», в которой регламентировалось участие в военном судопроизводстве «*адвокатов и полномочных [представителей сторон]*».

В российской судебной практике XVIII в. никогда не допускалось и апелляционное производство по делам, рассмотренным в кригсрехтах (возможность чего прямо оговаривалась в ст. 5 и 6 гл. 1-й и в гл. 2-й части 3 «Краткого изображения процессов...»). Соответственно, не существовало никакой – ни организационной, ни инстанционной – соподчиненности между полковыми и генеральными кригсрехтами. В действительности это были

совершенно обособленные друг от друга органы военного правосудия, имевшие лишь различный формально-иерархический статус.

Кроме того, в «Кратком изображении процессов...» остался незакрепленным *de facto* сложившийся к тому времени в российской армии порядок, по которому смертный приговор, вынесенный военным судом офицеру, поступал на утверждение не только вышестоящему воинскому начальнику, но и непосредственно монарху. Таковой порядок получил формальное утверждение значительно позднее, уже по именному указу от 3 марта 1719 г.¹¹⁶ Ни словом оказались не упомянуты в «Кратком изображении процессов...» и военные фискалы.

Характерно, что введение системы кригсрехтов не привело к утрате судебных полномочий центральными органами военного управления. На протяжении 1696–1716 гг. судебные функции сохраняли и Разрядный приказ (вплоть до упразднения в 1711 г.), и Военная канцелярия, и Приказ артиллерии, и Адмиралтейский приказ и ряд иных приказов и канцелярий. При этом, все эти органы оставались вне всякой связи с кригсрехтами (как с полковыми, так и с генеральными). Тем самым, на протяжении описываемого периода новоявленная система кригсрехтов оставалась по существу децентрализованной, всецело замкнутой в организационном и судебном отношении на строевое командование.

Остается добавить, что окончательное закрепление новая организация отечественного военного суда нашла в Уставе Воинском от 30 марта 1716 г. Во всецело посвященной военному судоустройству и судопроизводству гл. 50 названного Устава подробно прописывался состав генерального и полкового кригсрехтов (каковые еще именовались в главе соответственно «вышним» и «нижним» судами), а также прописывались некоторые процедуры судебного следствия и постановления смертного приговора¹¹⁷. Примечательно, что в ст. 1 гл. 50-й Устава Воинского впервые предусматривалось устройство «нижнего суда» – прообраза современного гарнизонного военного суда («нижний суд, которой... в крепости у губернатора или коменданта»).

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что к концу XVII в., ко времени установления единодержавия Петра I судебная система нашей страны отличалась следующими главнейшими особенностями. В области судоустройства: отсутствием органов правосудия, структурно отделенных от органов управления, отсутствием судов общей юрисдикции, отсутствием единства судебной системы. В области

судопроизводства: доминированием частного иска как основания для инициирования уголовного преследования, нечетким порядком прохождения дел по инстанциям.

Все это в совокупности привело отечественную судебную систему в состояние кризиса. Неудовлетворительность положения в сфере правосудия стала очевидна Петру I в первые же годы самостоятельного правления. Однако последовавшее в августе 1700 г. вступление России в Великую Северную войну надолго отвлекло законодателя от принятия комплексных мер по повышению эффективности функционирования судебной системы.

В этих условиях в конце 1690-х – первой половине 1710-х гг. в развитии отечественного судоустройства сложились четыре, отчасти взаимопротиворечивые, тенденции. Первая из них заключалась в том, что в отмеченный период законодатель продолжил традиционную линию на создание судебных органов, организационно совмещенных с органами управления. Сообразно второй тенденции, юрисдикционные полномочия ряда новоучрежденных административно-судебных органов (Преображенского приказа, Ратуши, губернских и комендантских канцелярий) оказались территориально всеохватны, что привело к существенному укреплению единства судебной системы.

В русле третьей тенденции законодатель настолько расширил объем судебной компетенции губернских и комендантских (а затем и ландратских) канцелярий, что почти превратил их в суды общей юрисдикции. В качестве четвертой тенденции следует отметить, что в связи с общим реформированием вооруженных сил радикальному обновлению подверглась и система органов военного правосудия, ключевым элементом которой стали построенные по западноевропейскому образцу коллегиальные военно-судебные присутствия – кригсрехты.

В области судопроизводства наиболее значительной новацией характеризуемого периода следует признать основание в марте 1711 г. фискальской службы России. Ставшая органом как надзора, так и уголовного преследования, фискальская служба положила начало активно-иницирующей роли государства в уголовном процессе, а также привела к зарождению института государственного обвинения в суде. В свою очередь, добытая фискальными органами информация о глубоком упадке законности в стране побудила законодателя к принятию ряда чрезвычайных мер, в том числе в сфере уголовного процесса. Среди таковых мер

необходимо отметить, во-первых, создание в 1713–1715 гг. первых отечественных органов предварительного расследования, получивших в производство главным образом дела, инициированные фискалами.

Во-вторых, в 1713 г. последовало введение особого порядка судопроизводства по делам о преступлениях против интересов службы, который заключался во впервые закреплённом праве подданных извещать о соответствующем преступлении непосредственно верховную власть. Тогда же аналогичный порядок судопроизводства (кардинально нарушавший его инстанционность) был предусмотрен и по делам о государственных преступлениях. Наряду с этим, Пётр I предпринял и противоположные по направленности меры по укреплению инстанционности в судопроизводстве, крупнейшей из которых явилось издание закона от 17 марта 1714 г., в котором оказалось зафиксировано четырехзвенное построение национальной судебной системы.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что к середине 1710-х гг. в судебной системе России сложилась двойственная, типично переходная ситуация. С одной стороны, были созданы и начали успешно функционировать опиравшиеся на современную нормативную основу такие передовые органы правосудия и уголовного преследования как криссехты и фискальская служба. Произошло зарождение и органов предварительного расследования.

С другой стороны, названные органы оказались состыкованы с оставшейся в основе архаичной системой неотделённых от органов управления общегражданских судов, продолжавших опираться в своей деятельности на устарелое в процессуальном отношении Уложение 1649 г. Подобная ситуация нуждалась в скорейшем преодолении. На повестке дня все с большей остротой проступал вопрос о полномасштабной судебной реформе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассмотрение понятия «судебная реформа» и попытку вычленения судебных реформ в отечественной истории см.: *Серов Д. О. Сколько было судебных реформ в истории России? (Опыт историко-правового анализа)* // Россия как цивилизация: Сб. научных статей. Новосибирск, 2007 (в печати).

² *Гурлянд И. Я. Приказ Сыских дел* // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 87–109; *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1912.

Т. 2. С. 240–259; *Сыромятников Б.И.* Очерк истории суда в древней и новой России (до издания Свода законов) // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. Т. 1. С. 125–149; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 122–124, 130–131; *Князьков С.Е.* Судебные приказы в конце XVI – первой половине XVII в. // Исторические записки. М., 1987. Т. 115. С. 268–285; *Голикова Н.Б.* Организация политического сыска в России XVI–XVII вв. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 11–36; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 104–137; *Он же.* Судебная компетенция сибирских воевод XVII века (к постановке вопроса) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX веков: Материалы III регион. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 158–162; *Смыкалин А.С.* Централизация судебных органов в период сословно-представительной монархии // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 31–34; *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: Противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001; *Акишин М.О.* Воеводский суд в Сибири накануне судебной реформы Петра I // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: Материалы V Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 153–162; *Авдеева О.А.* Особенности административно-судебной системы Сибири в период воеводско-приказного управления // История государства и права. 2003, № 2. С. 34–40; *Сумин Д.П.* Судебные органы Московского государства XV–XVII веков (Историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. Кроме того, см. развернутые обзоры научных изысканий по истории губных органов и Расправной палаты при Боярской думе в монографиях В. Н. Глазьева и А. С. Лаврова (*Глазьев В.Н.* Власть и общество... С. 6–26; *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 101–104). О развитии в XVII в. отечественного процессуального права см., прежде всего: *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. 2-е изд. СПб., 1995. С. 669–687; *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 168–182, 195–197, 205–206.

³ Как ни удивительно, на данное обстоятельство не было обращено внимание даже в специальной статье С.Ф. Афанасьева и А.И. Зайцева (*Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И.* Об истории специализации юрисдикционных органов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 2. С. 135–143).

⁴ *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 23.

⁵ Из современных авторов вопрос о сфере церковной юрисдикции в России в последней четверти XVII в. наиболее подробно осветил Н.Н. Покровский в статье 1986 г. (*Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по

истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189). По этому поводу см. также: *Маньков А.Г.* Законодательство и право России... С. 165–166, 203–206.

⁶ По указу от 6 ноября 1683 г. Разбойный приказ был переименован в Сыскной, под каковым названием он просуществовал до самого упразднения в ноябре 1701 г. (ПСЗ. Т. 2. С. 567; Там же. Т. 4. С. 175). В приказном делопроизводстве конца XVII в. данный приказ нередко фигурировал также как «*Разбойный сыскной*».

⁷ Подробнее об этом см. в незаслуженно подзабытой ныне статье И.И. Дитяткина «Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства» (*Дитяткин И.И.* Статьи по истории русского права. М., 1895. С. 272–289). См. также раздел «Царь и челобитчики» весьма содержательной работы С.Б. Веселовского 1912 г. (*Веселовский С.Б.* Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912. Т. 3. С. 169–170).

⁸ Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 3.: Акты Земских соборов / Под ред. А.Г. Манькова. М., 1985. С. 104–105. Характерно, что М.А. Чельцов-Бебутов интерпретировал запретительную норму названной статьи как относившуюся исключительно к судебным делам (*Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. С. 675). Между тем, уже в начальной фразе ст. 20 гл. 10-й говорится о «людях, которым... доведется о судных своих и о иных каких делах бити челом государю...». Из этого со всей очевидностью следует, что в ст. 20 гл. 10-й Уложения 1649 г. ограничивалось право челобиться как такового, вне зависимости от его содержания.

⁹ Здесь и далее автор статьи полагает возможным употреблять термин «закон» для обозначения таких актов петровского времени, которые безусловно отвечают современному пониманию закона (то есть были приняты управомоченным органом власти, содержали нормы права, были обязательны для неопределенного круга лиц и рассчитаны на неоднократное применение).

¹⁰ ПСЗ. Т. 4. С. 3.

¹¹ Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 1.: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 65. Как ни удивительно, данная норма осталась вне поля зрения П.В. Максимова, специально исследовавшего складывание и развитие стадии возбуждения уголовного преследования в отечественном судопроизводстве (см.: *Максимов П.В.* Концепция возбуждения уголовного преследования по российскому уголовно-процессуальному законодательству XI–XXI вв.: Историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГБ, 2005 [Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки]. С. 71–113. См. также: *Он же.* Досудебное производство в уголовном процессе России по Русской Правде // Юристы-Правоведы. 2005. № 1. С. 78–81).

¹² Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 337–338.

¹³ Применительно к XVII–XVIII вв., как представляется, вместо термина «возбуждение [уголовного дела]» более точным будет использовать термин «*иницирование*».

¹⁴ Данный сюжет применительно к XVI–XVII вв. развернуто осветила А.М. Клеймова в статье «Обязанность доносить в Московской России» (*Kleimova A.M.* The Duty to Denounce in Muscovite Russia // Slavic Review. 1972. Vol. 31. № 4. P. 759–779).

¹⁵ *Шершеневич Г.Ф.* История кодификации гражданского права в России // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1899. Кн. 2. С. 68.

¹⁶ *Веселовский С.Б.* Приказной строй управления... С. 197.

¹⁷ Что касается «людей, которые за дела ходят», то эта корпорация доморошенных старомосковских правоведов осталась поныне совсем неизученной. О стряпчих XVII в. см. единственно статью А.А. Введенского 1921 г. (*Введенский А.А.* Монастырский стряпчий (Из истории древнерусской адвокатуры) // Русский исторический журнал. Пг., 1921. Кн. 7. С. 31–60). Нельзя не отметить, правда, совершенную необоснованность трактовки А. А. Введенским института стряпчих не только как частных представителей сторон, но и как «защитников». Никакое лицо не могло, конечно же, принять на себя функцию защитника в рамках господствовавшего в отечественном уголовном судопроизводстве XV–XVIII вв. розыскного процесса. Гораздо более убедительным представляется тезис А.А. Введенского о стряпчих как о непосредственных предшественниках «ходатаев по делам» XVIII – первой половины XIX в. (Там же. С. 34, 41–42).

¹⁸ См.: *Демидова Н.Ф.* Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 152–167.

¹⁹ Проблема взяточничества в средневековой России затрагивалась многими авторами, причем как правоведами, так и историками. Из обширной череды работ на эту тему см., в первую очередь: *Анциферов К.Н.* Взяточничество в истории русского законодательства (до периода сводов) // Журнал гражданского и уголовного права 1884. Кн. 2. С. 1–35; *Штурьев В.Н.* Взяточничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях: Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. С. 71–91 [Временник Демидовского юридического лица. Кн. 115]; *Torke H.J.* Crime and Punishment in the Pre-Petrine Civil Service: The Problem of Control // Imperial Russia. 1700–1917: State. Society. Opposition. Northern Illinois University Press, 1988. P. 5–21; *Седов П.В.* Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 142–145; *Болотина Н.Ю.* Взятка на Руси // Вестник архивиста. 2001. № 4–5. С. 39–46; *Астанин В.В.* Борьба с коррупцией в России XVI–XX вв.: диалектика системного подхода. М., 2003. С. 3–14; *Голованова Е.И.* Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв. (Историю-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 13–17; *Куракин А.В.* История предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской империи // История государства и права. 2003. № 3. С. 9–11.

²⁰ *Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 186–190.

²¹ Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 2.: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. А.Д. Горского. М., 1985. С. 54, 58–59.

²² См. ст. 5–9, 12, 15–16, 144, 146 и 150 гл. 10-й, ст. 83 гл. 21-й, ст. 7 и 17–18 гл. 25-й Уложения 1649 г. (Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 102–104, 123–124, 244, 253 и 256). В литературе данную особенность Уложения

отметил еще К.Н. Анциферов (*Анциферов К.Н.* Взяточничество в истории русского законодательства. С. 32–33).

²³ ПСЗ. Т. 1. С. 310, 313–314; Там же. Т. 2. С. 616, 717, 762; Там же. Т. 3. С. 131, 203, 214, 217 и др.

²⁴ Насколько удалось установить автору статьи, в законодательстве термин «взятка» был впервые использован в именном указе от 28 февраля 1677 г. об организации деятельности таможенных голов и целовальников (ПСЗ. Т. 2. С. 90–91). В деловом же обиходе названный термин несомненно употреблялся и ранее. См., например, коллективную челобитную жителей Семеновской слободы Москвы на объездного голову Ф. Бессонова от 21 июня 1659 г. (Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. С. 71). Остается добавить, что в XVII в., наряду с термином «взятка» бытовали и весьма близкие к нему по значению термины «скут» и «налога».

²⁵ РГАДА. Ф. 160, 1700 г., № 3. Л. 1.

²⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С. 144–145; Davies B. The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Renumeration and Generalized Exchange, 1488–1726 // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. М., 1997. Р. 49–61; Седов П. В. Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // Новгородский исторический сборник. СПб. 1999. С. 130–163; Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 49–90.

²⁷ Стряпчий XVII в. и его отношение к приказному миру // ЧОИДР. 1884. Кн. 3. С. 6. Ср. немалочисленные схожие записи в расходной книге советского земского целовальника 1674–1675 гг. (Расходная книга земского целовальника Советской волости Вятского уезда 1674–1675 гг. / Публ. А.А. Преображенского // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 407–424).

²⁸ Акты Холмогорской и Устюжской епархий / Под ред. Л.Н. Майкова. СПб., 1890. Ч. 1. Стб. 1459 [РИБ. Т. 12].

²⁹ Новомбергский Н.Я. Вымученные кабалы в Московской Руси XVII столетия // ЖМЮ. 1915. № 6. С. 241. Из литературы по данному вопросу см., прежде всего, раздел «Приказная волокита» упомянутой работы С.Б. Веселовского 1912 г. (Веселовский С.Б. Приказной строй управления... С. 193–195).

³⁰ Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 104.

³¹ Для полноты картины (хотя и значительно выходя за рамки освещаемого периода), уместно заметить, что последний по времени акт высшего органа государственной власти нашей страны, специально посвященный противодействию волоките – постановление Пленума Верховного суда СССР «Об устранении фактов волокиты в деятельности судов», был издан в сентябре 1952 г. (Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР. 1924–1970. М., 1970. С. 10–12).

³² Законодательные акты Петра I. С. 30–31; Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 397–398.

³³ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 14. Данная линия компетенции Преображенского приказа была подтверждена в именном указе от 25 сентября 1702 г. (ПСЗ. Т. 4.

С. 199–200). Остается упомянуть, что в реальности существования указа 1696 г. совсем недавно усомнился М.О. Акишин. Впрочем, приведенные им, в противовес данным Н.Б. Голиковой, доводы выглядят малоубедительными (*Акишин М.* Судебная реформа Петра I: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: РГБ, 2006 [Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки]. С. 118–119).

³⁴ Подробнее как о процедуре, так и о конкретных вариациях объявления «слова и дела» см.: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. С. 21–24, 28–32, 58–61; *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 156–164.

³⁵ *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 77.

³⁶ *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. С. 15.

³⁷ *Покровский Н.Н.* Законодательные источники петровского времени о «слове и деле государевом» // Покровский Н.Н. Российская власть и общество XVII–XVIII вв. Новосибирск, 2005. С. 416.

³⁸ О данном законе см., в первую очередь: *Wortman R.* Peter the Great and Court Procedure // *Canadian-American Slavic Studies*. 1974. Vol. 8. N 2. P. 303–304; *Чистяков О.И.* Процессуальное законодательство // *Законодательство Петра I* / Под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 795–799; *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России: История. Документы. М., 2003. Т. 2. С. 145–146; *Лонская С.В.* Российские судебные реформы XVIII–XX века: Учеб. пособие. Калининград, 2003. С. 25–27; *Хрусталева А.Л.* Судебно-правовые реформы Петра I (конец XVII – первая четверть XVIII в.): Дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГБ, 2005 [Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки]. С. 40–78.

³⁹ *Введенский А.А.* Монастырский стряпчий. С. 41. Нельзя не согласиться также с мнением А.А. Введенского о том, что, благодаря закону от 21 февраля 1697 г. (наряду с Артикулом Воинским 1715 г. и законом «О форме суда» 1723 г.), произошло упразднение института стряпчих, «в том виде как он сложился в XVII в.» (Там же).

⁴⁰ Характерно, что в именном указе от 30 января 1699 г. о создании земских изб и Бурмистерской палаты законодатель откровенно мотивировал необходимость реформы стремлением освободить посадское население от «многих... обид и налог и поборов и взяток» со стороны воевод и приказных (ПСЗ. Т. 3. С. 600).

⁴¹ Отмена бурмистерского самоуправления для Сибири была оговорена в особом именном указе от 27 октября 1699 г. (ПСЗ. Т. 3. С. 654–655). Издание данного указа объяснялось тем, что руководство Сибирского приказа, будучи, вероятно, подкуплено восводами, предоставило Петру I заведомо фальсифицированные данные о малочисленности посадского населения в городах Сибири (*Акишин М.О.* Городская реформа 1699 г. и бюрократия Сибирского приказа // *Российское государство XVII–начала XX вв.: Экономика, политика, культура: Тезисы докл. Екатеринбург, 1993. С. 3–5).*

⁴² Какой-либо работы, специально посвященной истории Ратуши и земских изб как органов правосудия, донныне не появилось. Краткое освещение данного вопроса в литературе. см.: *Дмитриев Ф.М.* История судебных инстанций и гражданского

апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 483–484; *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семизин Г.Ю.* Судебная власть в России. Т. 2. С. 140–144; *Лонская С.В.* Российские судебные реформы... С. 8–9.

⁴³ ПСЗ. Т. 4. С. 3. Более исправную публикацию текста закона см.: ДР. М., 1855. Т. 4. Стб. 1112–1113.

⁴⁴ ПСЗ. Т. 4. С. 189.

⁴⁵ *Богословский М.М.* Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. № 9. С. 49–57.

⁴⁶ ПСЗ. Т. 4. С. 287–288.

⁴⁷ Стоит заметить, что А.А. Курбагов был, по-видимому, наиболее искушенным в юриспруденции деятелем в окружении Петра I 1700-х гг. Состоявший до поступления в 1699 г. на государственную службу в холопах у боярина Б.П. Шереметева, Алексей Курбагов какое-то время являлся тем самым «человеком, который за дела ходит», то есть представителем хозяина в судах (*Богословский М.М.* Петр I: Материалы к биографии. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 235).

⁴⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 4. Л. 176 об., 177 об. Сходные оценки А.А. Курбагов высказывал и в ряде более поздних посланий царю. К примеру, в письме от 19 апреля 1706 г. Алексей Курбагов доложил Петру I, что, согласно данных, добытых в ходе осуществленных в Ратуше судебных разбирательств, «великое чинится от грацких бурмистров и знатных жителей в краже казны вашей и в мирских премногих зборах для своих прихотей воровство...» (ПБП. СПб., 1900. Т. 4. [Вып. 2.]. С. 792). Остается добавить, что, как явствует из материалов тогдашней переписки А.А. Курбагова с царем, наиболее масштабные преступные деяния должностных лиц городского самоуправления были выявлены в Пскове и Ярославле.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 4. Л. 176 об. Данная законодательная инициатива главы Ратуши, насколько известно, не получила высочайшей поддержки.

⁵⁰ ПСЗ. Т. 4. С. 288.

⁵¹ *Покровский Н.Н.* Законодательные источники... С. 418. С приведенным суждением Н.Н. Покровского затруднительно согласиться в единственной детали. Как представляется, в законе от 9 февраля под «делом» подразумевались преступления против интересов службы не любых представителей государственного аппарата, а лишь тех из них, кто был подчинен Ратуше.

⁵² По всей очевидности, инициатором принятия (а, быть может, и разработчиком) закона от 9 февраля 1705 г. выступил сам новоявленный глава Ратуши. Бесспорно заинтересованный, с одной стороны, в укреплении ведомственного могущества Ратуши, а с другой — в привлечении тех, кто извещал бы о преступлениях бурмистров и ратушских подьячих, А.А. Курбагов занимал, вместе с тем, в 1705 г. столь прочные позиции в окружении Петра I, что несомненно имел возможность влиять на законотворческий процесс. Стоит отметить, что закрепленное в законе от 9 февраля 1705 г. расчленение формулы «слово и дело» на «слово» и «дело» так и не прижилось впоследствии в отечественном уголовном судопроизводстве. Причиной этому послужило то обстоятельство, что, как справедливо заметил Н.Н. Покровский, подобное

расчленение не соответствовало «ни давней исторической традиции, ни сути дела, ни смыслу слов» (*Покровский Н.Н. Законодательные источники...* С. 418).

⁵³ ПСЗ. Т. 4. С. 317–322. См. также закон от 4 апреля 1705 г. об установлении табачной монополии и об ответственности за ее нарушение и Наказ выемным головам от 7 июля 1705 г. (Там же. С. 302–304, 311–313).

⁵⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 4. Л. 179 об.; Кн. 5. Л. 266.

⁵⁵ ПСЗ. Т. 4. С. 343–344.

⁵⁶ ПСЗ. Т. 4. С. 364–368.

⁵⁷ *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910. С. 174. [Сб. ОРЯС. Т. 88. № 2].

⁵⁸ В литературе на это обстоятельство наиболее определенно указали Р. Витрам, а затем Н.Б. Голикова и Л.Г. Кислягина (*Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 102–103; Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г.* Система государственного управления // *Очерки русской культуры XVIII века.* М., 1987. Ч. 2. С. 56).

⁵⁹ Затруднительно понять, что дало основание Ф.М. Дмитриеву утверждать, что ингерманландские коменданты были в 1707 г. «по суду» подчинены ландрихтеру (*Дмитриев Ф.М.* История судебных инстанций... С. 445).

⁶⁰ Как ни удручающе, но к настоящему времени не подготовлено ни единого ни монографического, ни диссертационного исследования, специально посвященного истории I губернской реформы. Из числа современных работ, более подробно затронувших события реформы, см.: *Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г.* Система государственного управления. С. 53–57; *Bushkovič P.* Peter the Great: The Struggle for Power. 1671–1725. Cambridge University Press, 2001. P. 270–280. Заметно лучше освещено проведение реформы в отдельных регионах – особенно на Северо-Западе и в Сибири (*Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... С. 169–175; *Данченко В.Г.* Губернская реформа Петра I на Северо-Западе России: Административное управление Санкт-Петербургской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; *Комолов Н.А.* Формирование Азовской губернии и деятельность высших губернских администраторов в 10-е – 20-е годы XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998. С. 11–14; *Андреева Е.А.* А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // *Петровское время в лицах–2005.* Матер. научн. конф. СПб., 2005. С. 15–31; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: Организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 45–53; *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 143–162).

⁶¹ См., в частности: *Дмитриев Ф.М.* История судебных инстанций... С. 444; *Курафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. Т. 2. С. 126; *Лонская С.В.* Российские судебные реформы... С. 10.

⁶² *Богословский М.М.* Исследования по истории местного управления... С. 62.

⁶³ *Wittram R. Peter I.* Bd. 2. S. 103; *Комолов Н.А.* Ландрихтеры Азовской губернии (1709–1719 гг.): состав и компетенция // *Из истории Воронежского края: Сб. статей.*

Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 35–48. Весьма показательно, что в качестве должностной инструкции назначенному в 1709 г. первому азовскому ландрихтеру был прислан список с рассмотренного выше указа от 17 января 1707 г. Позднее азовский ландрихтер руководствовался особыми «пунктами», утвержденными азовским генерал-губернатором 8 апреля 1712 г. (Там же. С. 35, 40).

⁶⁴ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления... С. 58–61.

⁶⁵ ЗА. С. 361.

⁶⁶ Судебные полномочия Сената в первой четверти XVIII в. донныне не привлекали особого внимания ученых авторов. Наиболее подробно на этом сюжете остановился А.Н. Филиппов в работе 1911 г. (*Филиппов А.Н.* Правительствующий Сенат в царствование Петра Великого // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 1. С. 326–331).

⁶⁷ ЗА. С. 199.

⁶⁸ ЗА. С. 201. В тот же день, 2 марта 1711 г. к данной присяге в Успенском соборе Кремля, в присутствии Петра I, были приведены все новоназначенные сенаторы и находившиеся в тот момент в Москве губернаторы и вице-губернаторы (ДПС. СПб., 1892. Т. 5, кн. 1. С. 220).

⁶⁹ ЗА. С. 200.

⁷⁰ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 81–89, 99–100. Систематический обзор литературы об отечественных фискалах, изданной до 2002 г., см.: *Серов Д.О.* Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 155–157. В 2002–2006 г. история фискальской службы была затронута в следующих работах: *Серов Д.О.* Юстиц-коллегия и органы надзора // Российская Юстиц-коллегия (1718–1786): Историко-правовые очерки. М., 2003. С. 91–101; *Акишин М.О.* Судебная реформа Петра I. С. 107–114.

⁷¹ В литературе, с легкой руки С.А. Петровского, утвердилась ошибочная точка зрения, что сведения о зарубежных фискальских службах царю в 1711 г. предоставил столь известный впоследствии Генрих Фик (*Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра Великого: Историко-юридическое исследование. М., 1875. С. 100; *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. С. 246; *Казанцев С.М.* История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 12). В действительности, Г. Фик вступил в контакт с представителями российского правительства не ранее 1714 г. (*Cederberg A.R.* Heinrich Fick: Ein Beitrag zur Russischen Geschichte des XVIII. Jahrhunderts // *Acta et Commentationes Universitas Tartuensis*. Tartu; Dorpat, 1930. Bd. 17. S. 10–11).

⁷² *Wittram R.* Peter I. Bd. 2. S. 108.

⁷³ ЗА. С. 328. Показательно, что, в соответствии с данным указом, из-под юрисдикции губернаторов выводились даже принадлежавшие фискалам-помещикам деревни.

⁷⁴ ПБП. М., 1962. Т. 11, вып. 2. С. 57–58.

⁷⁵ Что характерно, военные фискалы оказались к настоящему времени изучены несравненно хуже, нежели гражданские. На вопросе о военно-фискальской

службе петровского времени специально, хотя и не особенно подробно, остановился единственно М.П. Розенгейм в монографии 1878 г. (*Розенгейм М.П.* Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 109–110, 176–178).

⁷⁶ ЗА. С. 203, 333–335; ПСЗ. Т. 4. С. 766–768; ПБП. Т. 11, вып. 2. С. 330; Законодательство Петра I. С. 186–187.

⁷⁷ Вследствие приведенной формулировки законодателя, С.А. Петровский и Н.В. Муравьев посчитали фискальскую службу органом негласного (тайного) надзора. Данная точка зрения была затем совершенно убедительно оспорена А.Н. Филипповым в упомянутой работе 1911 г. В современной литературе давно отвергнутую точку зрения о фискалах как о представителях тайного надзора неожиданно воспроизвел, впрочем, без всякого обоснования, М.О. Акишин (*Петровский С.А.* О Сенате... С. 157; *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор... С. 288; *Филиппов А.Н.* Правительствующий Сенат... С. 191–192; *Акишин М.О.* Судебная реформа Петра I. С. 107).

⁷⁸ Характерно, что в черновик закона от 17 марта 1714 г. Петр I собственноручно внес пояснение, что же считать «безгласными делами», от которого прямо-таки веяло духом нормы о неопознанном трупе из Русской Правды: «*например, ежели какова приезжаго убьют...*» (ЗА. С. 332).

⁷⁹ В предшествующей историко-правовой литературе на эту линию компетенцию фискальской службы в общем виде указал единственно Н.В. Муравьев (*Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор... С. 255, 263). При этом, Н.В. Муравьев отчего-то не проанализировал компетенцию отечественных фискалов через призму предложенной им самим классификации форм уголовного преследования (Там же. С. 11–12). Между тем, следуя классификации Н.В. Муравьева, фискальскую службу можно рассматривать как первый в России орган должностного публичного уголовного преследования прокурорского вида.

⁸⁰ Ранее данное обстоятельство привлекло внимание лишь А.Д. Градовского, бегло заметившего, что фискалы были призваны восполнить «деятельность народа в деле охранения личной безопасности и общественного спокойствия» (*Градовский А.Д.* Высшая администрация... С. 82). Как ни удивительно, о процессуальной роли фискалов XVIII в. ни словом не упомянул П.В. Максимов в диссертационной главе «Досудебное производство в уголовном процессе России (XI–XX вв.)» (*Максимов П.В.* Концепция возбуждения уголовного преследования... С. 71–113).

⁸¹ *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 42.

⁸² ПСЗ. Т. 5. С. 25.

⁸³ ЗА. С. 333; Законодательство Петра I. С. 187.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 89. Л. 4, 16 об., 17, 24 об.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 82. Л. 34. В литературе отмеченный эпизод осветил С.А. Петровский (*Петровский С.А.* О Сенате... С. 150–151).

⁸⁶ Из числа предшествующих авторов на это обратили внимание Р. Виттрам да В.В. Астанин, в общем виде отметившие, что наибольших успехов фискалы достигли в противодействии взяточничеству (*Wittram R.* Peter I. Bd. 2. S. 110; *Астанин В.В.* Борьба с коррупцией по законодательству Петра I // Криминальная ситуация на

рубеже веков в России. М., 1999. С. 248). Трудно понять, что дало основание Л.А. Чалой высказать хлесткий тезис (никак, впрочем, дополнительно не поясненный), что «тайные доносы фискалов породили еще большую безнаказанность» государственных служащих (*Чалая Л.А.* К истории российского законодательства о взяточничестве в судах // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений: Материалы междунар. конф. Самара, 2001. С. 99).

⁸⁷ См. интереснейший «Реестр делам, кои учинены в прибыль его императорскому величеству и всему государству Алексеем Нестеровым»: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 76 об. Подробности о последующем разбирательстве «подрядного» дела см. в монографиях Н.И. Павленко и особенно П. Бушковича (*Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1984. С. 97–99; *Bushkovitch P.* Peter the Great. P. 322–334).

⁸⁸ ЗА. С. 363.

⁸⁹ *Петровский С.А.* О Сенате... С. 149–150. Этот существенный тезис С.А. Петровского несколько позднее авторитетно поддержал Н.В. Муравьев (*Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор... С. 265).

⁹⁰ ПСЗ. Т. 5. С. 27, 51–53, 135–136.

⁹¹ Наиболее подробное рассмотрение закона от 24 декабря 1714 г. в литературе см.: *Ширяев В.Н.* Взяточничество и лиходеительство... С. 103–106.

⁹² Из предшествующих авторов на эту сторону отмеченных законов 1713 г. указал единственно Е.В. Анисимов (*Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. С. 18–19). Впоследствии характеризуемая линия уголовного законодательства нашла закрепление в ст. 12 закона «Должность Сената» от декабря 1718 г., в которой преступления против интересов службы были прямо соотнесены с изменой. Более того: в 1718 г. законодатель счел «презрение указов» должностными лицами даже более общественно опасным, нежели предательство. Как отметил Петр I в собственноручно написанном проекте названной статьи, «услышаф измену, всяк остережетца, а сего (должностного преступления. – Д. С.) никто вскоре не почувствует, но мала-помалу все разорятца...». Наконец, в ходе работы над проектом Уложения Российского государства 1722–1726 гг. Петр I подготовил и в октябре 1723 г. передал в кодификационную комиссию особую «экспликацию» (толкование) о государственных преступлениях, в которой включил в их число все преступные деяния против интересов службы (против «государственных прав и своей должности»); см.: ЗА. С. 131–132, 287–288). Вероятно, в связи с тем, что подготовка проекта Уложения затягивалась, Петр I издал «экспликацию» в виде особого именного указа от 5 февраля 1724 г. (ПСЗ. Т. 7. С. 250–251).

⁹³ ПСЗ. Т. 5. С. 53–54. Более исправную публикацию текста указа см.: ДПС. СПб., 1888. Т. 3, кн. 2. С. 704–705. Из литературы о Расправной палате при Сенате см., в первую очередь: *Голубев А.А.* Расправная палата при Сенате // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. Отд. 2. С. 103–148; *Филиппов А.Н.* Правительствующий Сенат... С. 159–167.

⁹⁴ ЗА. С. 361.

⁹⁵ В литературе на этот аспект закона от 23 октября 1713 г. уже обращалось внимание (*Серов Д.О.* Строители империи: Очерки государственной и криминаль-

ной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 18; *Астанин В.В.* Борьба с коррупцией в России... С. 8).

⁹⁶ ПСЗ. Т. 5. С. 76. Подробнее о данном законе см.: *Покровский Н.Н.* Законодательные источники... С. 419–420.

⁹⁷ ЗА. С. 364. В новейшей литературе названный закон специально рассмотрели Е.В. Анисимов, Н.Н. Покровский и Дж. Ле Донн (*Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. С. 19–20; *Покровский Н.Н.* Законодательные источники... С. 420–422; *Le Donne J.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order. 1700–1825. Oxford, 1991. P. 206–207).

⁹⁸ ПСЗ. Т. 5. С. 160.

⁹⁹ ЗА. С. 367. Третий пункт указа 1715 г. окончательно утратил силу в связи с изданием закона от 19 декабря 1718 г., согласно ст. 7 которого, заявления о казнокрадстве надлежало подавать ординарным порядком в фискальские органы (Там же. С. 379).

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 342. Кн. 33, ч. 1. Л. 12 об.

¹⁰¹ *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. С. 20.

¹⁰² ЗА. С. 377.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1 (подлинник; публикацию документа по черновому отпуску см.: ПБП. М., 2003. Т. 13, вып. 2. С. 74–75). Подробнее о функционировании канцелярии М.И. Волконского см.: *Серов Д.О.* «Регулярное государство» в поисках организационных форм противодействия должностной преступности: следственная канцелярия М.И. Волконского (1713–1715 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: Материалы IV регион. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 157–162; *Бабич М.В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 205–206.

¹⁰⁴ История центральных органов власти России в первой половине 1710-х гг. осталась поныне малоизученной. Данный сюжет более подробно затронули лишь В.И. Огородников в подзабытой к настоящему времени статье 1917 г. да Е.В. Анисимов в отмеченной монографии 1997 г. (*Огородников В.И.* Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом (Приказы, канцелярии, коллегии) // Ученые записки Казанского университета. 1917. Кн. 3–4. С. 3–47; *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования... С. 90–98).

¹⁰⁵ *Богословский М.М.* Исследования по истории местного управления... С. 69–70.

¹⁰⁶ ПСЗ. Т. 5. С. 140. В литературе о ландратских канцеляриях наиболее подробно см.: *Богословский М.М.* Исследования по истории местного управления... С. 95–122; *Wittram R.* Peter I. Bd. 2. S. 134–138.

¹⁰⁷ *Богословский М.М.* Исследования по истории местного управления... С. 105, 110–113.

¹⁰⁸ ПСЗ. Т. 5. С. 27; ЗА. С. 206.

¹⁰⁹ ПСЗ. Т. 5. С. 90. Более исправную публикацию текста закона см.: ЗА. С. 361–362.

¹¹⁰ В рассматриваемом законе не были упомянуты и обер-комендантские канцелярии – на что обратил внимание еще М.М. Богословский (*Богословский М.М.*

Исследования по истории местного управления... С. 70). По-видимому, это объясняется тем, что возглавлявшиеся обер-комендантами провинции являлись тогда, как уже говорилось, факультативной административно-территориальной единицей.

¹¹¹ ПСЗ. Т. 5. С. 134.

¹¹² Характеристику названных законодательных актов в литературе см.: *Розенгейм М.П.* Очерки военно-судных учреждений... С. 66–82; *Епифанов П.П.* Военский устав Петра Великого // *Петр Великий*. С. 184–190; *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. Т. 2. С. 536–541; *Петухов Н.А.* История военных судов России. М., 2003. С. 44–51; *Акишин М.О.* Судебная реформа Петра I. С. 27–28.

¹¹³ В современной историко-правовой литературе военные суды XVIII в. к судам специальной юрисдикции отнес (правда, без всяких пояснений) А.С. Смыкалин (*Смыкалин А.С.* Судебная система Российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV–XVIII вв.) // *ВИ*. 2004, № 8. С. 63).

¹¹⁴ *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979. P. 338–339 [Rättshistoriskt Bibliotek. Bd. 29]. Между прочим, Д.М. Шарыпкин выявил и осуществленный в петровское время перевод названного Устава на русский язык (*Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 43–44).

¹¹⁵ См.: *Розенгейм М.П.* Очерки истории военно-судных учреждений... С. 140–161; *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. С. 709–713; *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial reforms. P. 336–342; *Чистяков О.И.* Процессуальное законодательство. С. 799–818; *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. Т. 2. С. 551–558; *Петухов Н.А.* История военных судов России. С. 83–94; *Хрусталева Л.А.* Судебно-правовые реформы... С. 79–157; *Акишин М.О.* Судебная реформа Петра I. С. 31–32, 57–61, 73–83.

¹¹⁶ ПСЗ. Т. 5. С. 670.

¹¹⁷ ЗА. С. 195–197.